ПРАВИТЕЛИ РОССИИ

ИМПЕРАТРИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Елизавета Петровна родилась в Коломенском дворце 18 декабря 1709 года. Она была внебрачной дочерью императора, потому что ее мать – будущая Екатерина I и отец Петр I еще не были официально женаты Через два года после рождения Елизаветы Петр и Екатерина обвенчались и девочка стала царевной.

Дочь пошла решительностью в отца. Пользуясь падением авторитета и влияния власти в период регентства Анны Леопольдовны, в ночь на 25 ноября (6 декабря) 1741 года 31-летняя Елизавета явилась в казармы гренадеров Преображенского полка и подняла бойцов на переворот. Императрица Елизавета Петровна не раз провозглашала, что продолжает политику отца. В основном это было так. Была восстановлена роль Сената, получившего право законодательной инициативы. Прошла вторая перепись податного населения, упразднены внутренние таможенные пошлины и некоторые сборы. Это привело к значительному оживлению торговых связей между регионами. Были основаны первые русские банки – Дворянский (Заёмный), Купеческий и Медный (Государственный). В 1754 году была создана комиссия для составления уложения, которая закончила свою работу к концу царствования Елизаветы, но процесс преобразований прервала Семилетняя война. Именно Елизавета издала в 1744 году указ, запрещающий быстро ездить по городу, а с тех, кто бранился прилюдно, стали брать штрафы.

Елизавета стала последней представительницей династии Романовых по прямой женской линии. А мужская линия пресеклась со смертью Петра II в 1730 году. Официальным наследником престола Елизавета назначила своего племянника (сына старшей сестры Анны Петровны) – герцога Карла-Петера Ульриха Голштинского. По прибытии в Россию он был переименован на русский манер в Петра Фёдоровича, причём в официальный титул были включены слова "внук Петра Великого".

- Виктор Захаров
  -
  - Детство и юность принцессы
  - Жизнь Елизаветы в правление Анны Иоанновны
  - Правление Иоанна Антоновича. Возникновение заговора
  - Переворот 25 ноября 1741 г.
  - Начало правления. Ближний круг сотрудников

- Война за австрийское наследство и придворные интриги
- Выбор наследника
- Завершение войны за австрийское наследство
- Доходы и расходы. Финансовый гений П. И. Шувалова
- Елизавета Петровна во главе империи и во главе императорского двора. Ее личная жизнь
- Расцвет культуры, искусства и науки. И. И. Шувалов
- Начало Семилетней войны. Обострение придворной борьбы. Падение канцлера Бестужева-Рюмина
- Победы над Фридрихом II и «бранденбургское чудо». Болезнь и смерть императрицы Елизаветы
- Главные даты жизни Елизаветы Петровны

Виктор Захаров
Императрица Всероссийская Елизавета Петровна
18 декабря 1709 – 25 декабря 1761

Восемнадцатый век вошел в историю России как век создания империи, когда были проведены глубокие преобразования во всех областях жизни, достигнуты впечатляющие военные и внешнеполитические успехи, русская культура встала вровень с европейской. Двор в Петербурге стал одним из самых блестящих в Европе, слово и мнение российского руководства стали весьма значимыми в европейских делах. Мы знаем, что это было в значительной степени результатом преобразований Петра Великого, которые знаменовали начало XVIII века в истории России. Но после Петра I почти до конца столетия на троне находились большей частью женщины. На долю Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II приходится в общей сложности 66 лет правления в том столетии, то есть две трети. Именно они приняли на свои плечи то бремя, которое им оставил Пётр Великий. Конечно, они несли это бремя каждая по-разному, как всегда, свои черты есть в деятельности любого правителя и любого монарха. Все они остались в исторической памяти и заслуживают внимания историков. Разумеется, в полной мере это относится к Елизавете Петровне, правившей двадцать лет, дочери своего великого отца, преобразовавшего Россию.

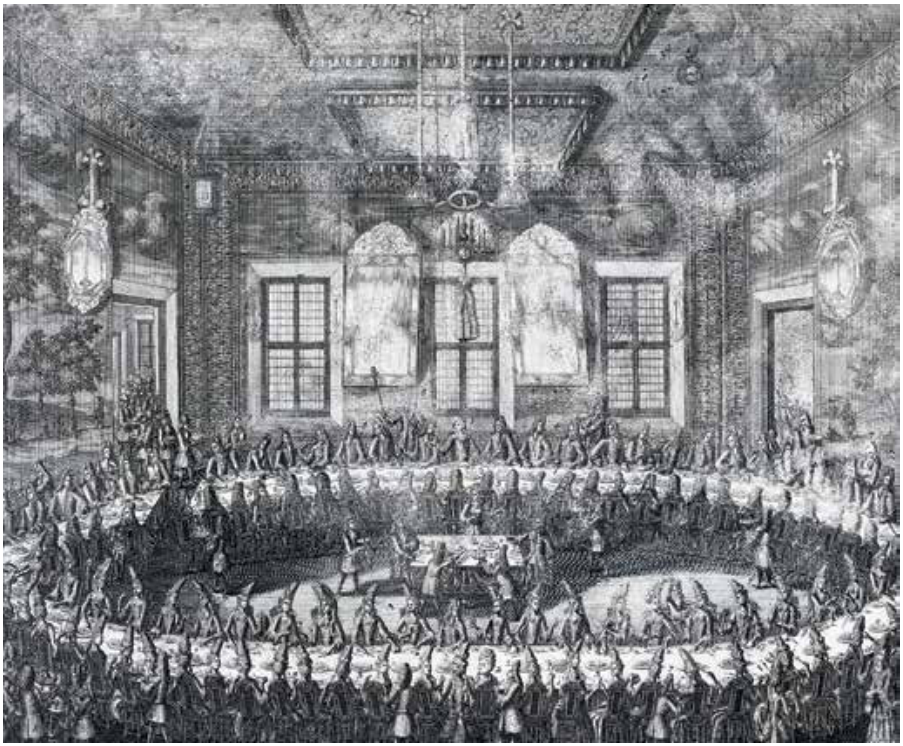
Детство и юность принцессы

Судьбу Елизаветы предопределило ее происхождение. Она была царской дочерью, и это, казалось бы, сулило ей с детства радужные перспективы. Однако не все было так однозначно, семейная жизнь ее родителей не могла не отразиться в ее судьбе. Отец Елизаветы царь Пётр I вступил в первый брак в 17-летнем возрасте, еще до начала своих великих дел по преобразованию России. Его супружеская жизнь с царицей Евдокией Фёдоровной, урожденной Лопухиной, сразу не заладилась. Пётр I расстался с женой, принудив ее удалиться в Покровский монастырь в Суздале. От этого брака остался сын Алексей, который значился наследником трона. Он рос под присмотром воспитателей. Отец не мог, а может быть, и не слишком желал уделять ему много внимания. Алексей вырос, женился на немецкой принцессе, у него родились сын Пётр и дочь Наталья. Однако Пётр I чувствовал, что сын по своему характеру и воспитанию не может достойно продолжить его дело. Отношения между ними ухудшились, Алексей бежал за границу, но будучи возвращенным на родину, был подвергнут суду за государственную измену и погиб в заточении.

Портрет Елизаветы Петровны в детстве. Художник Л. Каравак.

После расставания с первой женой Пётр I какое-то время

увлекался Анной Монс, дочерью трактирщика из Немецкой слободы в Москве, с которой познакомился еще до женитьбы. После расставания с Анной его сердце какое-то время было свободно, пока он не встретил женщину, ставшей его верной спутницей до конца дней.



Свадьба Петра I и Екатерины Алексеевны 19 февраля 1712 г. Офорт. Художник А. Ф. Зубов.

Это была Марта Скавронская. Она происходила из Лифляндии, из семьи крестьянина Самуила Скавронского. В то время Лифляндия была провинцией Швеции. К началу Северной войны Марта была в услужении у пастора Э. Глюка, проживавшего тогда в Мариенбурге (ныне Алуксне – в Латвии). Там же она вышла замуж за Эрнста Иоганна Крузе, происходившего из Пруссии, трубача в кавалерии Карла XII. В 1702 г. Мариенбург был взят русскими войсками, Марта оказалась в плену. Первое время она находилась в доме фельдмаршала Б. П. Шереметева, где на нее обратил внимание А. Д. Меншиков. Марта понравилась Меншикову, он взял ее к себе в дом.

В доме Меншикова Пётр I увидел пленницу, которая произвела на него самое благоприятное впечатление. Через

некоторое время Меншиков был вынужден уступить ее своему повелителю. Марта приняла православие под именем Екатерина. Отчество ей избрали – Алексеевна, поскольку ее крестным выступил сын Петра от первого брака царевич Алексей. Не исключено, что отчество было избрано и в память об отце Петра I. В 1708 г. у Петра и Екатерины родился первый ребенок – дочь Анна.

Елизавета Петровна была вторым ребенком Петра и Екатерины. Она родилась 18 декабря 1709 г. в царской подмосковной усадьбе Коломенское. День рождения царевны и будущей императрицы совпал с замечательным праздником в Москве. 18 декабря в первопрестольную столицу торжественно вступали полки русской армии после победы под Полтавой во главе с Петром I. Гремела музыка, несли захваченные трофеи. Узнав о рождении дочери, Пётр приказал остановить шествие и объявить во всеуслышание о радостном событии. Трехдневные торжества по поводу Полтавской виктории совпали с празднованием рождения царевны.

Девочка получила редкое тогда имя Елизавета. Пётр I испытывал самые нежные чувства по отношению к своей второй семье, что отразилось в его переписке. Уже в письме Екатерине в 1710 г. он просит передать привет «четверной лапушке», т. е. маленькой Елизавете, которая тогда еще ползала на четвереньках. Он также называет ее Лизеткой, Лизенькой. Уже в восьмилетнем возрасте Елизавета порадовала отца, собственноручно написав ему письмо.

Кроме элементарной грамоты, Елизавета, как и ее сестры, с раннего детства обучалась иностранным языкам, танцам, музыке, этикету. Приглашались иностранные учителя. Особенно хорошо Елизавета овладела французским языком, на котором говорила свободно. Особого пристрастия к изучению разных наук, чтению она не проявляла. Зато преуспевала в танцах и музыкальных занятиях, с детства выделялась веселым нравом и привлекательной внешностью.

Елизавета, как и ее старшая сестра Анна, родилась до брака Петра с Екатериной. В 1712 г. сестры были «привенчаны», так как родители вступили в церковный брак, обе получили титул царевна. В 1721 г., когда Россия была провозглашена империей, Елизавета, как и ее сестры, получила титул цесаревна, которым и обладала до своего восшествия на трон в 1741 г. Закрепился за ней и уже обычный в то время для дочери монарха неофициальный титул – принцесса.

В том же 1721 г. Пётр I собственноручно срезал с платья Елизаветы маленькие белые крылышки, что означало вступление

ее в возраст невесты. И в мае того же года Пётр I поручил посланнику во Франции князю Василию Лукичу Долгорукому поднять перед тамошним двором вопрос о браке Елизаветы с королем Людовиком XV. Но французское правительство тогда не видело Россию среди своих союзников, кроме того, его не могло не смущать «низкое» происхождение матери невесты.

Вступление Елизаветы в возраст невесты произошло в момент неясности с вопросом о престолонаследии. Пётр I в период своего правления провел множество реформ, о последствиях которых до сих пор спорят историки. Одна из них – реформа престолонаследия. К тому времени практически повсюду в Европе, в России в том числе, при монархическом правлении трон переходил к старшему сыну почившего монарха. При отсутствии его – к старшему из братьев или к любому из ближайших родственников мужского пола. Во многих странах не исключалось и восшествие на трон женщин (дочерей или сестер при отсутствии близких родственников-мужчин). Но повсюду это было общепризнанное правило, сама природа определяла, кто будет царствовать далее.

Пётр I решил проигнорировать природу. В 1722 г. он издал указ о престолонаследии, в соответствии с которым наследник определялся по завещанию царствующего монарха. Очевидно, это решение возникло у Петра в связи с ситуацией в его семье. Старший его сын от первого брака Алексей погиб, будучи обвиненным в государственной измене. Подрастал его ребенок, прямой внук Петра I по мужской линии, которого звали Пётр Алексеевич, как и великого деда. Но вряд ли Пётр I видел в нем наследника.

Во второй семье у Петра I не осталось наследников мужского пола. Екатерина родила ему одиннадцать детей, но многие из них – и все мальчики, в том числе Пётр, Павел, еще один Пётр – скончались в младенчестве или раннем детстве. Выросли дочери Анна и Елизавета, но они были рождены до брака, что осложняло признание их в качестве полноправных наследниц. В итоге царь решил оставить за собой право решения вопроса о наследнике. Поэтому он и издал указ в 1722 г.

Поначалу Пётр I склонялся к тому, чтобы объявить наследницей трона жену Екатерину. В июне 1724 г. в Кремле, в Успенском соборе, состоялась первая в истории России императорская коронация. Пётр I возложил императорскую корону на голову своей супруги. Не исключено, что собирался написать в ее пользу завещание о престолонаследии. Но вот незадача – осенью того же года Пётр заподозрил свою жену в супружеской неверности. И если Екатерина, зная о подобных

похождениях своего мужа, терпела, Пётр не стерпел и не мог унять свой гнев. Жертвой его гнева пал вероятный любовник – придворный Екатерины Вилим Монс, брат Анны Монс, пассии Петра I времен его молодости. Несчастный Монс был казнен по формальному обвинению в растрате государственных средств. Пётр теперь не торопился с решением вопроса о престолонаследии. А в январе 1725 г. он неожиданно и тяжело заболел и 30 января умер, не успев даже сказать, кто унаследует трон.

Портрет царевен Анны Петровны и Елизаветы Петровны. Художник Л. Каравак.

Сенат склонялся к тому, чтобы провозгласить императором внука Петра, но вмешались Меншиков и верные ему гвардейцы. Под их нажимом Сенат объявил о переходе трона к Екатерине, вдове Петра I.

Елизавета, уже 15-летняя барышня, стала дочерью правящей монархини. Казалось, повысились ее шансы стать невестой кого-либо из принцев самых знаменитых европейских монархий. И даже – монархов. Ведь по-прежнему был не женат французский король Людовик XV. В начале правления Екатерины I возникла необходимость укрепить отношения с Францией, и по дипломатическим каналам теперь уж от имени императрицы в

Париж был передан намек насчет сватовства короля к принцессе российской Елизавете. Когда пришло известие, что у короля уже другая избранница, Петербург был готов принять сватов и от герцога Орлеанского, приходившегося Людовику дядей. Но и вновь пришел уклончивый ответ, сопровождавшийся целым букетом самых учтивых благодарностей за столь высокую честь. На дипломатическом языке это означало решительный отказ. Очевидно, вновь было принято во внимание происхождение Елизаветы и ее матери. Да и во внешнеполитических планах Франции сближение с Россией не считалось особенно важным. Людовик XV женился на Марии Лещинской, дочери польского короля Станислава, поддерживаемого во время Северной войны Швецией и Францией и свергнутого при участии России. В то время на польском троне находился союзник России – саксонский курфюрст Август II.

Тем не менее вопрос о замужестве принцессы Елизаветы рассматривался правительством в Петербурге под углом внешнеполитических интересов империи. Возник план выдать ее замуж за Морица Саксонского, внебрачного сына Августа II.

Принц Мориц, бравый военный, активный участник всех тогда происходивших войн, командир собственного полка, в данный момент находился на службе Франции. Он был не прочь получить какую-либо корону, пусть и матримониальным путем. Например, корону герцога Курляндии. Для этого он был готов жениться на вдовствующей Курляндской герцогине Анне Иоанновне, племяннице Петра I и двоюродной сестре Елизаветы. Однако представитель Августа II в Петербурге Иван Лефорт (кстати, племянник Франца Лефорта, старшего товарища и наставника Петра I в годы его юности) сообщил Морицу о принцессе Елизавете, достаточно выразительно охарактеризовал ее внешность и характер. Но Мориц предпочел герцогство Курляндское. Было объявлено о его женитьбе на Анне, в 1726 г. он был избран герцогом Курляндским. Однако саксонский принц все же прогадал. Против его пребывания на троне в Курляндии категорически выступила Россия, фактически правивший ей Меншиков. Мориц покинул столицу Курляндии Митаву и продолжил свои военные подвиги в Европе на службе Франции.

Старшая сестра Елизаветы – Анна уже была замужем за Голштинским герцогом Карлом Фридрихом. Это вполне соответствовало дипломатическим интересам России на севере Германии. У Карла Фридриха был двоюродный брат Карл Август, носивший еще и духовный сан епископа Любекского. В 1726 г. он приехал в Петербург, тогда же Екатерина I решила, что голштинский родственник – неплохая партия для ее дочери, тем

более что сватовство Морица так и не случилось. Елизавете понравился молодой голштинец, но случилась беда – в июне 1727 г. Карл Август скончался. Месяцем раньше умерла и его несостоявшаяся теща, Екатерина I.

По ее завещанию под именем Петра II на трон вступил внук Петра Великого. Екатерина во всем слушалась Меншикова и распоряжение о престолонаследии исполнила по его совету. Всесильный фаворит понимал, что юный внук Петра I имеет все же больше шансов быть признанным вполне законным наследником, нежели Анна или Елизавета, хотя и цесаревны, но все же «привенчанные» дочери Петра I. К тому же юный Пётр был прямым потомком своего великого деда по мужской линии. Меншиков уже подчинил его своему влиянию и не опасался более какой-либо мести за гибель отца.

По восшествии на трон Петру II было одиннадцать лет. Но влиятельные придворные уже вынашивали планы в отношении его будущей женитьбы. Тот же Меншиков добился объявления своей старшей дочери Марии невестой императора. Но осенью 1727 г. «полудержавный властелин» оказался в опале, его блистательная карьера рухнула в одночасье, он лишился всех должностей, наград, имений и был отправлен с семьей в ссылку в Березов. Свержение Меншикова было подготовлено влиятельными сановниками, тяготившимися его чрезмерным влиянием. В основном это были члены Верховного тайного совета, органа власти, созданного по инициативе самого Меншикова для управления империей. Важную, хотя и не очевидную, роль в свержении Меншикова сыграл тогдашний руководитель внешней политики вице-канцлер Андрей Иванович Остерман.

Теперь следовало подобрать императору другую невесту. У А. И. Остермана имелся план женить Петра II на Елизавете. Он надеялся тем самым примирить сторонников обеих линий потомков Петра I. Юному императору нравилась его привлекательная тетушка, достигшая расцвета в свои 19 лет. После коронации в феврале 1728 г. Пётр II остался в Москве, как и весь императорский двор. Любил охоту, другие развлечения. Елизавета принимала в этом активное участие. Однако Синод категорически воспротивился возможному браку императора с его единокровной родственницей. Тем более что в окружении Петра II взяли верх представители аристократической фамилии Долгоруких во главе с князем Алексеем Григорьевичем. Его сын князь Иван стал старшим товарищем императора, а дочь княжна Екатерина Алексеевна была объявлена невестой Петра II, состоялось обручение. Елизавета тем временем увлеклась

молодым камергером Бутурлиным. Пётр II, узнав об этом, расстроился. Он не явился на именины к цесаревне, а когда из Берлина поступило предложение о браке Елизаветы с маркграфом Бранденбургским Карлом, Пётр II на правах императора отказал. Бутурлин был отправлен служить на Украину.

Царевна Елизавета Петровна и Петр II на псовой охоте. Художник В. А. Серов.

В январе 1730 г. случилась беда. Пётр II заболел оспой, спасти его не смогли, и он умер накануне дня объявленной свадьбы с Екатериной Долгорукой. Завещания оставить несчастный император не смог. В очередной раз в XVIII веке возник вопрос о престолонаследии. С формальной точки зрения следовало обратиться к завещанию Екатерины I. Оно было написано в пользу Петра II. Но императрица не могла все же не вспомнить о своих дочерях. Поэтому в завещании отмечалось, что

в случае кончины Петра без наследников трон переходит к Анне или Елизавете или их наследникам. Анна была замужем за Голштинским герцогом Карлом Фридрихом. В 1728 г. году у нее родился сын принц Карл Пётр Ульрих. Но в том же году она умерла. Таким образом, по смыслу того завещания на трон после Петра II могли претендовать либо Карл Пётр Ульрих, двух лет от роду, либо его тетка Елизавета.

Жизнь Елизаветы в правление Анны Иоанновны

Но решение вопроса оставалось в руках Верховного тайного совета. Там ведущую роль играли представители аристократических кланов – Долгоруких и Голицыных. Они и слышать не хотели о потомках второй жены Петра Великого. На трон была приглашена Курляндская герцогиня Анна Иоанновна (Ивановна), дочь старшего брата Петра I, царя Ивана Алексеевича. Ее «порфирородное» происхождение не вызывало никаких сомнений. Кроме того, члены Верховного тайного совета («верховники») надеялись, что Анна, неопытная в политике, будет следовать их воле. Поэтому Анну приглашали на трон при условии, что она не будет принимать важнейших решений без согласия Верховного тайного совета. Эта «затейка верховников» вызвала жесткое сопротивление широких кругов дворянства, которые увидели в этом попытку установить олигархическое правление группы аристократов. В итоге Анна порвала «кондиции» и стала править самодержавно. Верховный тайный совет был упразднен, Долгорукие и Голицыны оказались в опале и ссылке. Что касается завещания Екатерины I, то Анна Иоанновна приказала его хранителю канцлеру Г. И. Головкину сжечь документ. Он исполнил приказ, но оставил копию завещания.

Елизавета Петровна не принимала участия в этих событиях, связанных с восшествием на трон Анны Иоанновны. Все происходило в Москве, куда прибыла из Курляндии и приглашенная императрица. Елизавета в это время находилась довольно далеко от столицы, в Александровой слободе. Там в окружении друзей и родственников занималась охотой на лосей и волков, каталась на коньках и санках, водила хороводы с крестьянскими девушками.

Хотя она знала о своих шансах. И уже тогда были люди, готовые ее поддержать в ее претензиях на престол, видя в ней дочь Петра Великого. В основном это были русские дворяне, служившие при Петре I, недовольные происками «верховников» и не ожидавшие ничего хорошего от царствования Анны Иоанновны, за которой уже маячила фигура ее курляндского фаворита Эрнста Бюрена (или Бирена, в будущем – Бирона). Определенные расчеты в отношении Елизаветы строили и некоторые дипломаты. В частности, имелся план возвести на трон Карла Петера Ульриха при регентстве Елизаветы. Один из

наиболее доверенных людей в окружении Елизаветы, ее врач Лесток, узнав о происходивших в Москве событиях, предложил ей срочно выехать в столицу, заявить о своих правах на трон, уверяя, что у нее окажется достаточно сторонников.

Но Елизавета осталась в Александровой слободе. Ей было всего двадцать лет, в ней еще не проснулось честолюбие. Пока ей больше нравилась беззаботная жизнь вдали от столиц и двора. А может быть, она уже могла трезво и реально оценить обстановку, понять, что шансы все же ничтожно малы, а ее вмешательство дорого ей обойдется. Одиннадцать лет спустя перед Елизаветой встанет тот же выбор, и она решит иначе. Вот тогда, в 1741 г., она возглавит своих сторонников в борьбе за трон.

В 1730 г. началось десятилетнее правление Анны Иоанновны. Став самодержавной правительницей, она уже не постеснялась пригласить ко двору из Курляндии Эрнста Бюрена. В качестве фаворита императрицы он приобрел огромное влияние при дворе и в правительстве, получил все мыслимые и немыслимые награды, кроме всего прочего – герцогский титул с созвучной фамилией Бирон (он был получен из Франции) и трон герцога Курляндского.

В стране установился жесткий политический режим. Правительство стремилось пресечь любое проявление недовольства. Для пресечения возможных заговоров была воссоздана Тайная канцелярия – орган политического сыска. Ее возглавил генерал Ушаков. Канцелярия существовала еще при Петре I, тогда ей было поручено следствие по делу царевича Алексея. Теперь масштабы ее деятельности существенно расширились. По малейшему подозрению или доносу сюда попадали люди разного звания, где их допрашивали с применением пыток. Тех, кто казался наиболее опасным, подвергали беспощадной смертной казни. В 1739 г. в Новгороде были казнены члены семейства Долгоруких по сфабрикованному обвинению. В 1740 г. жители столицы испытали шок в результате казни Артемия Волынского и двух его «конфидентов» (сподвижников) Хрущева и Еропкина. Волынский, один из «птенцов гнезда» Петра I, при Анне Иоанновне достиг одного из высших постов, вошел в состав Кабинета министров, вступил в конфронтацию с Бироном.

Портрет царевны Елизаветы Петровны (1720-е гг.). Художник И. Н. Никитин.

Это время вошло в историю России как бироновщина. Но вряд ли все, что тогда происходило в стране, зависело от Бирона, направлялось им. У него были в правительстве сильные и влиятельные соперники. И, кстати, также немцы по происхождению. Это Андрей Остерман, руководитель внешней политики, канцлер и член Кабинета министров. Это Бурхард Кристоф Миних, главный военный деятель и президент Военной коллегии, фельдмаршал. Пребывание немцев на важнейших постах в Российской империи создает впечатление о «немецком засилье» в руководстве страны. Но при этом нужно иметь в виду, что все упомянутые деятели находились в жесткой борьбе друг с другом и единой «немецкой партии» не существовало. Это вело к нестабильности в правящей верхушке и сразу же сказалось после кончины императрицы Анны. Наконец нельзя не отметить, что и ряд русских вельмож имели доступ к высоким постам и пользовались большим влиянием, как уже упомянутые Ушаков и Волынский.

Анна Иоанновна должна была думать и о дальнейшем преемстве власти. Замуж она так и не вышла, после того как почти сразу овдовела после свадьбы с Курляндским герцогом Фридрихом Вильгельмом. Наследника российского трона ей следовало избрать среди своих ближайших родственников, также принадлежавших к потомству царя Ивана Алексеевича. Анна была средней его дочерью. Старшая дочь Екатерина Ивановна при

Петре I была выдана замуж в Германию, за герцога Мекленбургского Карла Леопольда. Младшая – Прасковья вышла замуж за русского генерала, их единственный ребенок умер в детстве.

Замужество Екатерины Иоанновны в Германии оказалось не вполне счастливым. Герцог Карл Леопольд был известен крайне скандальным характером и образом жизни. Неудивительно, что вскоре Екатерина Ивановна покинула его и вернулась в Россию с малолетней дочерью Анной.

В начале правления Анны Иоанновны ее сестра Екатерина умерла. Ее дочь, которую в России стали называть Анной Леопольдовной, была объявлена наследницей российского трона. Вопрос о ее замужестве, разумеется, решался прежде всего в сфере высокой политики. Бирон попытался устроить свадьбу Анны Леопольдовны с одним из своих сыновей, но потерпел неудачу. Значит, не столь был он всесилен. В данном случае возобладали внешнеполитические расчеты, что было в руках А. И. Остермана, противника Бирона и не менее его искушенного в мастерстве придворной интриги.

Анна Леопольдовна вышла замуж за принца Брауншвейгского Антона Ульриха. Его семья родственными и политическими узами была связана с Габсбургами, правителями обширной империи в центре Европы, которую не вполне точно называют Австрией. В 1740 г. у Анны Леопольдовны родился сын, внучатый племянник императрицы Анны Иоанновны, которая и назначила теперь его наследником российского трона.

А что же Елизавета Петровна? Ее положение было непростым. Анна Иоанновна и ее окружение не могли не видеть в Елизавете соперницу и определенную угрозу. Утвердившись у власти, императрица Анна приказала ей поселиться в столице и появляться при дворе. Тем самым Елизавета и ее окружение были под присмотром властей.

В 1732 г. императорский двор переехал вновь в Петербург. В северной столице Елизавета поселилась в скромном дворце, расположенном на окраине обширного «Царицына луга», известного также под названием Марсово поле. Вокруг нее сложилась сравнительно небольшая группа приближенных. В основном это были родственники по материнской линии, а также несколько придворных, состоявших в окружении Елизаветы еще со времен Петра I. Это ее кузина Анна Карловна Скавронская, дочь брата Екатерины I, Мавра Шепелева – подруга Елизаветы с детских лет. Доверием принцессы пользовался ее личный врач Иоганн Лесток. Он происходил из семьи французских гугенотов, эмигрировавших в Германию в конце XVII в., состоял одно время

хирургом и цирюльником при дворе герцога Брауншвейг-Целльского, а затем приехал в Россию и стал врачом при дворе Петра I.

В этом же кругу вращались и молодые дворяне, служившие в гвардии и принадлежавшие к фамилиям среднего достатка, по происхождению русские. Среди них на первых ролях оказались Михаил Илларионович Воронцов, который женился на Анне Скавронской, и Пётр Иванович Шувалов, за которого вышла замуж Мавра Шепелева. Было положено начало формированию целых семейных кланов – Воронцовых, Шуваловых, – которым предстояло в недалеком будущем играть видную роль в политической жизни страны.

Регулярно здесь бывали офицеры и солдаты гвардии, служившие в полках, созданных Петром Великим, и с особым почтением относившиеся к его дочери. Сама Елизавета дружила со многими из них, как когда-то ее отец, бывала в их семьях, крестила детей. Наибольшее внимание принцесса Елизавета уделяла в начале 30-х гг. сержанту гвардии статному красавцу Алексею Шубину.

Вскоре в эту компанию вошел певчий придворной капеллы Алексей Розум. Его судьба исключительна и в то же время весьма характерна для XVIII века, когда судьба возносила на самый верх людей самого незнатного происхождения. Он родился на Украине в 1709 г. на хуторе Лемеши недалеко от Чернигова. Его отец Григорий Розум числился реестровым казаком, фактически вел жизнь крестьянина. Алеша, как и все крестьянские дети, пас коров, работал в поле. Но наряду с этим он приохотился к грамоте, научился читать и, что еще более важно, у него проявился прекрасный голос. Отец с неодобрением относился к увлечениям сына, тогда Алексей ушел из семьи в соседнее село Чемер, где стал учиться у местного дьячка церковному пению. Это село находилось на тракте, который вел из Киева в Петербург. В 1731 г. здесь проезжал полковник Фёдор Вишневский, возвращавшийся в Петербург из Венгрии с грузом токайского вина. Он был очарован пением Алексея Розума в местной церкви и уговорил его поехать вместе с ним в столицу, где устроил певчим в придворную капеллу. Там его увидела Елизавета Петровна, на которую внешность и очаровательный голос молодого малороссиянина произвели исключительное впечатление. Алексей Розум из певчих перешел в штат двора Елизаветы и вскоре занял в ее окружении место прежнего фаворита Алексея Шубина.

Этому способствовало и несчастье, произошедшее с самим Шубиным. Императрицу Анну Иоанновну и ее окружение не

могла не раздражать популярность принцессы Елизаветы среди гвардейцев. В окружении принцессы, разумеется, находились шпионы и соглядатаи, готовые сообщить о всякого рода подозрительных поступках и настроениях в Тайную канцелярию. Так и Алексей Шубин в 1731 г. пал жертвой подобного доноса: он был арестован, оказался под следствием и по указу императрицы был сослан на Камчатку, где его насильно обвенчали с некоей камчадалкой. Если Анна Иоанновна хотела уязвить Елизавету, то она в той или иной мере достигла своей цели. Елизавета непросто пережила разлуку с Шубиным, выразила свою тоску в сочиненных тогда же ею печальных стихах. А в 1742 г., когда она стала императрицей, по ее приказу Шубина отыскали в Сибири, он был возвращен в Петербург, получил сразу чин генерал-майора.

Но и Алексей Розум оказался человеком простым и обаятельным, завоевал не только сердце Елизаветы, но и уважение в кругу ее приближенных, мало интересовался политикой, стремился оставаться надежным другом Елизаветы, не забывал и своих многочисленных родственников с Украины. Он получил при небольшом дворе Елизаветы должность гоф-интенданта, т. е. вел имущественные и хозяйственные дела принцессы. Теперь он стал прозываться Разумовским.

В это время Елизавета мало интересовалась политикой, казалось, жила в свое удовольствие, насколько ей позволяли скромные средства, отпускаемые на содержание ее небольшого двора. Ревность и подозрительность со стороны Анны Иоанновны и ее приближенных оставались в силе. Очевидно, что и по характеру, и по внешним данным императрица проигрывала общительной и привлекательной Елизавете. К тому же принцесса, несмотря на скромные средства, успевала следить за европейской модой, ее обаяние и вкус уже тогда оценили иностранные дипломаты. Достаточно отметить случай, упомянутый в записках леди Рондо, супруги британского посланника в Петербурге. Однажды на придворном приеме императрица Анна поинтересовалась у прибывших в Петербург членов китайского посольства, кто из присутствующих дам кажется им наиболее привлекательной. Руководитель делегации, как и подобает дипломату, да еще из восточной страны, отвечал уклончиво: «В звездную ночь трудно было бы сказать, какая звезда самая яркая». Но императрица ожидала прямого ответа. Тогда китаец поклонился принцессе Елизавете и заявил, что «…среди такого множества прекрасных женщин он считает самой красивой ее».

Ревность и подозрительность по отношению к Елизавете порождали самые разные планы по поводу ее судьбы. Некоторые

из приближенных Анны Иоанновны предлагали заточить ее в монастыре. Но против этого выступил могущественный фаворит Анны – Бирон, он сумел уверить императрицу, что столь жестокий поступок нанесет урон ее популярности. В отличие от других высокопоставленных вельмож, не жаловавших Елизавету своим вниманием, Бирон, напротив, время от времени оказывал некоторую поддержку полуопальной принцессе. Елизавета, видимо, не забыла этого. Также не ослабевала активность дипломатов в поиске женихов для Елизаветы среди иностранных принцев. Это позволило бы удалить ее из России, а заодно и решить некоторые внешнеполитические проблемы, например укрепить союз с какой-либо европейской (или даже неевропейской) династией. Так, среди женихов значились герцог Саксен-Кобург-Мейнингенский, правитель крайне небольшого герцогства в Германии, португальский инфант и даже персидский шах.

Правление Иоанна Антоновича. Возникновение заговора

Так прошли десять лет. В октябре 1740 г. императрица Анна умерла. По ее завещанию императором объявлялся ее внучатый племянник Иоанн Антонович. Ему было тогда всего лишь два месяца от роду. Так, находясь в колыбели, он вступил на трон под именем императора Ивана III. Иваном I считался в данном случае Иван Грозный, который первым принял титул царя. В современной литературе Иоанна Антоновича чаще называют Иваном (Иоанном) VI, в этом случае Иваном I является Иван Калита, а Иван Грозный – это Иван IV.

Император Иоанн VI Антонович.

Регентом, фактически правителем страны при младенце-императоре, по воле почившей императрицы стал Бирон. Чувствуя себя в определенной изоляции, Бирон старался теперь привлечь на свою сторону Елизавету. Он увеличил выплаты на содержание ее двора, давал понять, что при случае готов согласиться пригласить на трон ее племянника, голштинского принца Карла Петера Ульриха.

А всегда осторожный канцлер Остерман ненароком обидел

Елизавету. Осенью 1740 г. в Петербург прибыло диковинное посольство от персидского шаха Надира. Он намеревался посвататься к Елизавете, прислал в подарок четырнадцать слонов, из них девять – для младенца Иоанна Антоновича и четыре – для Елизаветы. Остерман по каким-то своим расчетам утаил этот подарок. Тогда принцесса отправила к канцлеру своего придворного М. И. Воронцова, который от ее имени напомнил Остерману, что тот своей карьерой обязан ее отцу Петру Великому. Канцлер почувствовал себя оскорбленным и увидел в Елизавете врага.

Но все же Бирон не удержался у власти. Против него объединились его могущественные противники из числа вельмож и приближенных Анны Иоанновны: прежде всего А. И. Остерман и Б. К. Миних. Обиженными почувствовали себя и родители Иоанна Антоновича – Анна Леопольдовна и ее супруг принц Антон Ульрих Брауншвейгский, которые полагали, что у них никак не меньше прав на регентство при своем сыне. Не было поддержки у Бирона и среди военных, гвардейцев, не пользовался он популярностью и среди дворянства. Не прошло и месяца, как произошел очередной переворот. Однажды ноябрьской ночью отряд гвардейцев под руководством самого Миниха вломился в спальню регента, он был арестован, лишен властных полномочий, всех чинов и наград и был отправлен в ссылку в далекий зауральский городок Пелым.

На первые роли в управлении государством вышли теперь Миних и Остерман. Правительницей была объявлена Анна Леопольдовна. По-прежнему чувствовал себя обойденным ее супруг Антон Ульрих, но чтобы несколько его утешить, ему пожаловали редкий и исключительно высокий военный чин генералиссимуса. Да, во время войны с турками при Анне Иоанновне Антон Ульрих находился в войсках, командовал тремя полками и даже принимал участие в штурме Очакова под руководством фельдмаршала Миниха. Но каких-либо выдающихся талантов военачальника, разумеется, не проявил.

Так как он был отцом императора, от имени которого действовали все власти в стране, это время вошло в историю как «правление Брауншвейгской фамилии». Правительство оказалось крайне слабым. В этом, очевидно, и кроется главная причина его скорого падения, а вовсе не в засилье немцев. Немало лиц немецкого происхождения были у власти и при Анне Иоанновне, но она благополучно правила десять лет. Устранив Бирона, Остерман и Миних теперь соперничали друг с другом, что наносило большой ущерб делам, особенно в сфере внешней и военной политики.

Анна Леопольдовна вовсе не занималась делами, поскольку не имела ни способностей к тому, ни минимального желания. Немаловажно и то, что она была матерью грудного младенца и была уже беременна следующим ребенком. Она редко появлялась на людях, предпочитая уединяться в дальних комнатах своего дворца, много времени проводила со своей подругой фрейлиной Юлией Менгден. Иногда компанию им составлял саксонский посланник Мориц Линар, жених Юлии и, по слухам, фаворит Анны Леопольдовны.

В этой обстановке еще больше выросла популярность Елизаветы в столице и особенно среди гвардейцев. Примеров тому сохранилось немало. Так, еще в 1740 г. Елизавета должна была сделать подарок по случаю рождения Иоанна Антоновича. Люди, посланные от нее на рынок, выбрали для подарка красивую вазу. А когда купцы узнали, что эту вазу желает приобрести принцесса Елизавета, тут же отказались брать деньги из-за своего безмерного почтения к дочери Петра Великого. Уже после кончины императрицы Анны и свержения Бирона Миних явился к Елизавете поздравить ее с Новым, 1741 годом. Он увидел в сенях, на лестнице и в передней множество гвардейцев, поздравлявших принцессу и называвших ее кумой. В их среде уже слышались возгласы: «Разве никто не хочет предводительствовать нами на пользу матушки Елизаветы Петровны!» И в ближайшем окружении принцессы нашлись люди, постоянно напоминавшие ей, что она дочь Петра Великого и имеет гораздо больше прав на корону, нежели тогдашние правители. Среди них наиболее активен ее личный врач Лесток.

Серебряный рубль с изображением императора Иоанна Антоновича (1741). После свержения императора изъят из обращения.

Чувствуя слабость петербургского правительства, активизировали свою деятельность иностранные дипломаты. Как и при Анне Иоанновне, так и теперь руководитель внешней политики России А. И. Остерман придерживался союза с Австрией. Основным противником Габсбургов в Европе была Франция. Поскольку Россия в то время вела геополитическое

соперничество со своими соседями Турцией и Швецией, те могли рассчитывать на поддержку французов. Теперь в Париже почувствовали, что появилась возможность сменить правительство в России, ослабив русско-австрийский союз. Также было ясно, что авторитет «Брауншвейгской фамилии» в Петербурге падает и, напротив, растет популярность принцессы Елизаветы. Следовательно, нужно поддержать Елизавету в ее стремлении захватить власть. Этим и занялся французский посол в Петербурге маркиз Шетарди. Посредником между маркизом и принцессой выступил все тот же Лесток.

В поддержку Елизаветы действовала и шведская дипломатия. С Шетарди в данном случае взаимодействовал посланник Нолькен. Но он старался добиться, чтобы Елизавета в обмен на поддержку со стороны Швеции отказалась в ее пользу хотя бы от части земель, приобретенных Петром Великим. Елизавета уклонялась от подобных обязательств, а Шетарди ради успеха всего дела старался умерить запросы своего шведского коллеги и его начальников в Стокгольме. Шведский дипломат не отступал. Он предлагал Елизавете написать письмо шведскому королю с просьбой оказать ей военную помощь для захвата российского трона. Разумеется, принцесса отказалась. Она была достаточно умна, чтобы не давать подобных собственноручно подписанных документов. Ведь в случае провала и обнаружения такого письма ей и ее сторонникам грозила бы немедленная гибель.

Тем не менее летом 1741 г. шведы все же начали войну с Россией, не дождавшись никаких обязательств от Елизаветы. В Стокгольме в любом случае полагали, что не стоит упускать столь благоприятный момент. Ведь при наличии слабого и раздираемого внутренними противоречиями правительства в Петербурге шведская армия сможет добиться успеха и взять реванш за поражение в Северной войне.

Портрет правительницы Анны Леопольдовны. Художник Л. Каравак.

Со своей стороны Елизавета понимала, что успехи шведов приведут к еще большему падению популярности «брауншвейгского правительства» в России, а ее шансы на успех только возрастут. Именно в таком ключе она продолжала вести диалог с Шетарди. (Нолькен с началом войны должен был покинуть Петербург.) Елизавета объяснила французскому дипломату, что ничего не имеет против возможного в будущем союза России с Францией и Швецией. А пока она намеревалась подождать развития событий. В Париже подобное поведение Елизаветы воспринималось как нерешительность и отсутствие амбиций в борьбе за власть. В самом деле, мы видим здесь способность Елизаветы сохранить холодную голову, способность к трезвому политическому расчету, умение избежать излишних

рисков. А это уже качества большого политика.

Осторожность Елизаветы вскоре оправдалась. Шведы потерпели поражение под Вильманстрандом 23 августа 1741 г. Теперь уже никак нельзя было рассчитывать на какую-либо помощь с их стороны. Но и правительство Анны Леопольдовны не смогло извлечь каких-либо выгод из военной победы, развить успех. Следовательно, его авторитет и популярность продолжали падать и в осенние месяцы 1741 г.

Слабость правительства Анны Леопольдовны и угрозу ему со стороны приверженцев Елизаветы не могли не видеть и дипломаты держав, противоборствующих Франции и Швеции. Австрия, Англия в случае падения «Брауншвейгской фамилии» могли утратить свое влияние при петербургском дворе. Эти державы старались не допустить какого-либо союза или сотрудничества России с Францией. Австрия соперничала с Францией за гегемонию в континентальной Европе и рассчитывала при этом на поддержку России. Англия вела борьбу с Францией за колонии в Северной Америке и Индии, кроме того, для британцев была крайне важна роль России как основного торгового партнера на европейском рынке.

Перемена власти в Петербурге не могла не вызвать опасения в Лондоне и Вене, тем более там непременно знали о попытках французов и шведов привлечь на свою сторону принцессу Елизавету. Поэтому британские и австрийские дипломаты стремились предостеречь правительство Анны Леопольдовны, открыть ей глаза на угрозу со стороны принцессы Елизаветы и ее сторонников. Английский посол Финч еще в марте 1741 г. довел до сведения А. И. Остермана и принца Антона Ульриха имевшуюся у него информацию о встречах и возможных переговорах французского посла и принцессы Елизаветы. Сведения об этом доходили и до Анны Леопольдовны, но ни она, ни ее окружение так и не приняли серьезных мер, чтобы препятствовать развитию заговора.

Какие-то шаги правительство начало предпринимать лишь в середине ноября 1741 г. А. И. Остерман, понимая, что главная опасность исходит от гвардейцев, распорядился удалить из столицы Преображенский полк. Это не могло не привести офицеров и солдат, сторонников Елизаветы в состояние крайней тревоги. Стало известно о готовящемся аресте врача Лестока, это не исключало ареста и других приверженцев Елизаветы из ее ближайшего окружения. Наконец возымели некоторое действие на правительницу Анну и предупреждения иностранных дипломатов. На этот раз об угрозе со стороны Елизаветы Анну Леопольдовну предупредил саксонский посланник М. Линар,

входивший в самый ближний круг общения правительницы. Он предложил отправить Елизавету в монастырь. Правительница Анна заявила, что не видит в этом особого смысла, так как есть еще «чортушка», то есть голштинский принц Карл Петер Ульрих – племянник Елизаветы. Как видим, деятели тогдашнего правительства считали малолетнего принца, пребывавшего за рубежом, за сотни верст от России, не менее опасным, чем Елизавету, находившуюся в Петербурге и имевшую множество приверженцев в войсках.

Все же Анна Леопольдовна решила поговорить с Елизаветой. Разговор состоялся 23 ноября. В этот вечер состоялся куртаг во дворце. Во время игры в карты Анна Леопольдовна предложила Елизавете уединиться для беседы. Разумеется, точно неизвестно, о чем они говорили. Как сообщал Шетарди в своем донесении в Париж, правительница рассказала о письме, полученном ей из-за границы. В нем говорилось о заговоре при участии врача Лестока, которого следует арестовать. Это бросало тень и на саму Елизавету. Анна Леопольдовна, видимо, никак не могла проявить решимость в борьбе с заговорщиками. Вместо того чтобы жестко призвать Елизавету к ответу при всех министрах, Анна надеялась уладить все по-семейному. В беседе наедине Елизавета отвергла все подозрения, обе родственницы расплакались, обнялись и вскоре вернулись к карточному столу.

Царевна Елизавета Петровна и преображенцы в кордегардии Зимнего дворца в ночь на 25 ноября 1741 года. Художник

Е. Е. Лансере.

Но для сторонников Елизаветы это уже был более чем серьезный сигнал. Наверное, и сама принцесса поняла это. Арест Лестока, если бы правительство решилось на это, означал бы полное крушение всех надежд, расправу и с самой Елизаветой, и с ее близкими. Лесток прямо заявлял, что пытки он не выдержит. Для большей убедительности он изобразил на одном листе бумаги принцессу Елизавету в монашеском одеянии и в окружении пыточных орудий, а на другом – ее же, но в императорской короне. Явившись к ней 24 ноября, он предъявил оба рисунка и будто бы сказал: «Выбирайте!» Одновременно агитаторы пошли в гвардейские казармы. А там многие только и ждали сигнала. Уже к вечеру в окружении Елизаветы знали, что гвардия готова выступить в ее поддержку.

Итак, начало переворота и его успех зависели главным образом от соотношения сил в столице, степени влияния действующего правительства и решимости его противников. Прежде всего решение должна была принять сама Елизавета. И она наконец решилась.

Переворот 25 ноября 1741 г.

В ночь на 25 ноября Елизавета не ложилась спать. К ней во дворец съезжались ее приверженцы – Шуваловы и Воронцовы, родственники Скавронские и Гендриковы. Разумеется, здесь же был и Алексей Разумовский. Чувствуя силу на стороне Елизаветы, здесь появились и наиболее дальновидные люди из окружения Анны Иоанновны. Например, Василий Фёдорович Салтыков, дядя почившей императрицы. Близкий родственник правящей пока «фамилии», он все же счел за благо перейти на сторону Елизаветы, что и сделал одним из первых.

Елизавета долго молилась. Говорят, что именно в этот момент она дала обет не применять смертную казнь, если ей будет суждено стать императрицей. Наконец она надела кирасу (металлический защитный панцирь, боевое облачение воинов тяжелой кавалерии – кирасир), взяла в руки серебряный крест. Ее постоянно подбадривал преданный врач Лесток, который в этот момент возложил ей на шею орден Святой Екатерины. Этот высший (и единственный) женский орден империи учредил Пётр I, первой была им награждена мать Елизаветы.

Портрет императрицы Елизаветы Петровны. Художник И. Я. Вишняков.

На улице уже ждали сани. В сопровождении нескольких приближенных и гвардейцев Елизавета отправилась в слободу Преображенского полка, находившуюся на юго-восточной окраине города. Центром слободы, своего рода канцелярией и штабом полка была съезжая изба, куда и подъехали сани. Находившийся на посту часовой поднял было тревогу, стал бить в барабан. Но Лесток, соскочив с саней, кулаком пробил барабан, часового повалили на землю и обезоружили. Так же быстро был обезоружен и прибежавший на шум дежурный офицер, впрочем, он и не оказал серьезного сопротивления. Со всех сторон к съезжей избе сбегались гвардейцы. В основном это были солдаты и унтер-офицеры, которые проживали здесь в казармах. Офицеры полка жили в городе на своих квартирах и в ту ночь не успели к

началу переворота. Так случилось, что поддержку Елизавете в данный момент оказали солдаты, вчерашние крестьяне. Но это не означает, что русские дворяне, офицеры гвардии остались в стороне. Напротив, по мере развития событий никто из них не пытался им препятствовать, вскоре выяснилось, что вся гвардия и весь столичный гарнизон, подавляющая часть дворянства и офицерства готовы поддержать Елизавету. Но отсутствие офицеров в ходе самих событий позволяет считать, что сама принцесса, молодая тридцатилетняя женщина, не только решилась на захват власти, но и лично возглавила верные ей войска, повела их на штурм.

Возле съезжей избы собралось не менее трехсот преображенцев. На первых ролях здесь была рота гренадер, то есть наиболее сильных и рослых пехотинцев, метавших в бою гранаты, отсюда и название этих солдат. Гранаты в то время представляли собой довольно увесистые металлические ядра, начиненные порохом, которые поджигали и бросали. В тот момент, правда, метание гранат не понадобилось.

По свидетельству современников событий, оставивших свои воспоминания, Елизавета обратилась к собравшимся гвардейцам с вопросом, знают ли они, кто она. В ответ те дружно прокричали, что перед ними дочь Петра Великого. С еще большим воодушевлением они выразили готовность пойти за ней против ее врагов, тут же принесли присягу на кресте, который был в руках Елизаветы. Единственное, о чем их просила принцесса, – не проливать напрасно кровь. И это удалось – переворот прошел практически бескровно.

Из Преображенской слободы несколько сотен гвардейцев вслед за санями, в которых находилась Елизавета, двинулись в центр города. Прошли по всему Невскому проспекту и Адмиралтейской площади, где до Зимнего дворца оставалось не более двухсот метров, принцесса вышла из саней и пошла пешком, а сопровождавшие ее солдаты – бегом, как и следует во время штурма. Было холодно и еще совсем темно. Елизавета не поспевала за бегущими солдатами, тогда два рослых гренадера подхватили ее, подняли на свои плечи и понесли.

Во дворец удалось войти без особых проблем. Никаких мер предосторожности сторонники беспечной Анны Леопольдовны в ту ночь не приняли. Наступавшие преображенцы знали пароль, действовавший в ту ночь, что также помогло им пройти первые караулы. Да и находившиеся тогда на своих постах во дворце офицеры и солдаты не оказали особого сопротивления. Лишь начальник охраны отдал было команду «На караул!», но его тут же сбили с ног, и в его грудь был направлен штык. И, как

рассказывают, Елизавета лично своей рукой отвела этот штык, стремясь избежать какого-либо кровопролития. Гренадер по фамилии Ивинский первым ворвался в спальню, где находилась Анна Леопольдовна и ее супруг принц Антон Ульрих.

Где была в это время сама Елизавета, как она себя вела, рассказывают по-разному. По одним сведениям, она лично явилась в спальню Анны Леопольдовны и разбудила ее со словами: «Сестрица, вставай!» Та бросилась на колени, умоляла пощадить ее семейство, оставить при ней подругу Юлию Менгден. Но ряд авторов, в их числе и Екатерина II, которая прибыла в Россию два года спустя после переворота, полагают, что Елизавета, убедившись, что дворец блокирован, могла и не подниматься на второй этаж. Она вполне могла избежать неприятной для себя встречи и объяснений с родственницей, которой она позапрошлым вечером клялась в любви и верности. Скорее всего, Елизавета удалилась в находившийся неподалеку собственный дворец, откуда она несколько часов назад отправилась в Преображенскую слободу. Здесь она ожидала теперь известий из Зимнего дворца и поздравлений.

Тем временем Анна Леопольдовна с мужем были арестованы. Также был взят из колыбели младенец-император Иоанн Антонович. Было приказано ни в коем случае не напугать его, подождать, когда он проснется. Да где там… От шума и суматохи ребенок проснулся, заревел. В тот же момент из колыбели брали его четырехмесячную сестренку, уронили, от чего она оглохла на всю жизнь.

Так было положено начало трагедии «Брауншвейгской фамилии», в которой наибольшее сострадание не может не вызвать сам малолетний император. Известно, что Елизавета приказала принести младенца к себе, взяла его на руки, произнесла: «Бедный невинный младенец. Твои родители одни виноваты». Несколько отрядов направились в расположенные рядом дома Миниха, Остермана, Головкина, Левенвольде с приказом об их аресте, что и было исполнено.

Переворот свершился. По всему городу отправились офицеры и солдаты с известиями о восшествии на престол новой императрицы. В полках и на кораблях был получен приказ о приведении к присяге. Дворец Елизаветы на «Царицыном лугу» сиял огнями, а долгая ноябрьская петербургская ночь еще не закончилась. Было приказано немедленно прибыть сюда всем вельможам, придворным, сенаторам. Также был разбужен и генерал-прокурор Сената князь Яков Петрович Шаховской, для которого известие о перевороте сначала показалось невероятным, и он посчитал, что сообщивший об этом экзекутор сошел с ума.

Тем не менее это оказалось правдой. И вот как описывает Яков Петрович ту ночь в своих воспоминаниях: «…вскоре увидел многих по улице мимо окон моих бегущих необыкновенными толпами в ту сторону, где дворец был <…> Ибо хотя ночь была темная и мороз великий, но улицы были наполнены людьми, идущими к цесаревниному дворцу, гвардии полки с ружьями шеренгами стояли уже вокруг оного в ближних улицах и для облегчения от стужи во многих местах раскладывали огни; а другие, поднося друг другу, пили вино, чтобы от стужи согреваться. Причем шум разговоров и громкое восклицание многих голосов: “Здравствуй, наша матушка императрица Елизавета Петровна!” – воздух наполняли».

Иногда приходится слышать, что переворот 25 ноября 1741 г. и восшествие на трон императрицы Елизаветы был подготовлен и осуществлен при активном участии иностранных держав и действовавших в Петербурге их дипломатов, прежде всего того же маркиза Шетарди, агентом которого в окружении Елизаветы был ее врач Лесток. Но то, что известно о ходе переворота, позволяет заключить: случившееся было в первую очередь результатом усилий самой Елизаветы и ее ближайшего окружения. Именно эти люди выбрали момент, когда необходимо действовать, и действовали на свой страх и риск. Все, что произошло, было результатом соотношения сил, сложившихся внутри тогдашней правящей элиты России, придворных кругов, высшей знати, гвардии. Елизавета и ее приближенные самостоятельно удачно выбрали момент и опирались главным образом на сторонников из среды русских дворян, военных, духовенства. Как и во многих других аналогичных случаях, переворот был событием внутренней российской политики, а не результатом какого-либо внешнего заговора.

Нельзя отрицать, что Шетарди во время правления «Брауншвейгской фамилии» пытался внушить Елизавете мысль о захвате власти. Но в решающий момент принцесса самостоятельно решилась на это при поддержке своего ближайшего окружения. А о своих правах на трон она знала давно, как и то, что она – дочь Петра Великого. Так и вышло, что маркиз Шетарди в дни переворота оказался всего лишь его свидетелем. Правда, позднее в своих донесениях в Париж он старался отметить свои заслуги в том, что в Петербурге было свергнуто правительство, поддерживавшее австрийцев, противников Франции. Что касается шведов, неудачное ведение войны ими против России тем более не оставляло им каких-либо шансов повлиять на поведение Елизаветы.

В любом случае Елизавета пришла к власти, опираясь на

своих сторонников в России, независимо от каких-либо происков внешних сил. Поэтому она могла действовать при определении внешнеполитического курса совершенно свободно, не будучи связана какими-либо обязательствами.

В первые дни после переворота необходимо было оформить легитимность новой власти, решить, как поступить со свергнутыми правителями. Уже утром 26 ноября был готов манифест, что Елизавета Петровна по настоянию гвардии, многих вельмож и высшего духовенства была вынуждена взять власть из-за слабости правительства и различных неурядиц при малолетнем императоре Иоанне Антоновиче. Через два дня появился новый манифест, где прямо говорилось о Елизавете Петровне как об императрице, о ее правах на престол, как дочери Петра Великого в следствие завещания ее матери, которое предусматривало в случае отсутствия наследников у Петра II переход трона к Анне Петровне или Елизавете, или их «десцендентам» (т. е. наследникам). Это завещание, говорилось в манифесте, было нарушено приходом к власти Анны Иоанновны и последующих правительств. Таким образом, Иоанн Антонович как император лишался легитимности, как и власти, правившие от его имени. Что касается прав Карла Петера Ульриха, как «десцедента» Анны Петровны, то в манифесте 28 ноября говорилось, что наследником не может быть лицо, «не принадлежащее к православному исповеданию». Так что единственным законным наследником оставалась Елизавета Петровна.

Портрет императрицы Елизаветы Петровны на коне с арапчонком. Художник Г. Х. Гроот.

Для доказательства правоты действий участников переворота необходимо было представить свергнутых правителей в качестве преступников. Поэтому наиболее видные деятели прежней власти оказались под следствием и судом. Следственная комиссия во главе с князем Никитой Ивановичем Трубецким работала оперативно. Ей потребовалось немногим более месяца, чтобы установить вину Остермана, Миниха, Головкина, Левенвольде и некоторых других свергнутых сановников. Главным преступником объявлялся Остерман, который и должен был ответить за нарушение завещания Екатерины I, будто это именно он организовал приглашение в Россию и восшествие на трон Анны Иоанновны, впоследствии стал инициатором назначения Анны Леопольдовны правительницей, предлагал заточить цесаревну

Елизавету в монастырь, был главным виновником казни Долгоруких. Миних обвинялся в казнокрадстве и чрезмерных жертвах, понесенных русскими войсками, действовавшими под его командованием.

Объявленный в январе 1742 г. приговор был свирепым: Остермана следовало колесовать, а Миниха подвергнуть четвертованию. Всего было приговорено к казни восемнадцать человек. Миних и Остерман отказались признать себя виновными и уповали на милость императрицы. Их упования оказались ненапрасными. Елизавета исполнила обет не проливать кровь и не подвергать никого смертной казни. На эшафоте приговоренным было объявлено о сохранении им жизни по милости императрицы. Все они отправились в ссылку. Канцлер и могущественный вельможа при нескольких монархах Андрей Остерман оказался в Березове, на севере Западной Сибири, где он и умер в 1747 г. Ему не удалось там застать в живых Александра Меншикова. Тот не без участия канцлера был сослан в Березов и умер там в 1729 г.

А вот Миниху пришлось повидаться с одним из тех, кто лишился власти и могущества при его непосредственном участии. Местом ссылки Миниха был назначен Пелым. Там же с 1740 г. находился Бирон. Но императрица Елизавета помнила, что, находясь на вершине власти, он иногда старался в чем-то смягчить ее участь полуопальной принцессы. По ее указу Бирона было велено перевести из зауральского захолустья в вполне комфортный для жизни Ярославль. И вот в Казани Миних и Бирон, двигавшиеся в противоположных направлениях, встретились. Без лишних слов оба учтиво раскланялись, сняв шляпы, и отправились далее, каждый в свою сторону. Миних прожил в Пелыме все двадцать лет правления Елизаветы. Пётр III вспомнил о нем и вернул в Петербург, разрешив являться при дворе. Также из Ярославля было разрешено вернуться и Бирону. Пётр III хотел, чтобы Бирон и Миних в его присутствии помирились, но, кажется, успеха не добился. Дело вновь ограничилось учтивыми поклонами.

Вернемся к началу правления Елизаветы. Как видим, она с самого начала хотела проявить себя милостивой и доброй императрицей. Сам переворот обошелся без жертв, приговоренные к казни были помилованы. Но вряд ли она всегда и во всех случаях оставалась такой. О том, что она могла быть жесткой и даже жестокой, свидетельствует судьба «Брауншвейгской фамилии».

Сразу после переворота семейство свергнутого императора было решено отправить за границу к родственникам, о чем

говорилось в манифесте от 28 ноября. Под вооруженным конвоем Антон Ульрих, Анна Леопольдовна с детьми отправились в путь, но в Риге их догнал курьер с приказом оставить семейство в России. Елизавета Петровна и ее окружение все же чувствовали себя неуверенно в первые месяцы пребывания у власти, опасались какого-то выступления в поддержку свергнутого императора, тем более при помощи иностранных держав. До 1744 г. «Брауншвейгская фамилия» содержалась в окрестностях Риги в крепости Динамюнде, затем было велено перевести ее вглубь страны, а именно в Раненбург в Рязанской губернии, которым когда-то владел Меншиков. Но и это место показалось Елизавете Петровне почему-то ненадежным, в том же году узников отправили далеко на север – в старинный город Холмогоры в нижнем течении Северной Двины недалеко от Архангельска. Там их разместили в каменных архиерейских палатах, превращенных по этому случаю в тюремный замок. Прогулки им разрешались только во дворе этого здания, обнесенного высоким глухим забором. Бывшего императора Иоанна отделили от родителей. В ссылке у Анны Леопольдовны родились еще трое детей (девочка и двое мальчиков). В 1746 г. она скончалась. Елизавета Петровна на этот раз оказалась милостивой к покойной родственнице: было разрешено похоронить ее в Петербурге в Александро-Невской лавре, рядом с матерью и бабушкой, царицей Прасковьей, женой царя Ивана Алексеевича, с соответствующими ее происхождению почестями. Императрица Елизавета присутствовала на похоронах и не могла сдержать слез.

Красные Ворота, построенные в Москве по случаю коронации Елизаветы Петровны в 1742 г.

Но Иоанн Антонович все равно казался опасным. В 1756 г. его содержание вновь ухудшилось, он был переведен в Шлиссельбургскую крепость, где содержался в одиночной камере под именем Григорий или вообще без всякого имени. Он вырос практически в тюрьме, знал только грубо обращавшихся с ним стражников, едва выучился писать и читать, говорил с трудом, поскольку почти не имел таковой практики. Видимо, он знал о своем происхождении, и это добавляло ему страданий. Иоанн пережил в заточении и саму Елизавету Петровну, лишившую его трона и свободы. Говорят, что Пётр III посетил узника, проявив определенное сочувствие, но распорядился содержать его на прежних условиях. А в правление Екатерины II произошла трагедия. В 1764 г. некий поручик Василий Мирович решился освободить Иоанна Антоновича и был близок к успеху, но, когда он ворвался в камеру, узник был уже мертв. Оказывается, охранники имели приказ убить Иоанна Антоновича в случае попытки освободить его и отсутствия уверенности, что эта попытка будет успешно отражена. Мирович был схвачен и казнен.

Антон Ульрих с младшими детьми коротал век в заточении в Холмогорах. В 1776 г. он умер. Лишь в 1780 г. его дети, прожив около сорока лет в тюрьме, получили разрешение покинуть Россию. Они уехали в Данию под покровительство тамошней

королевской семьи.

Начало правления. Ближний круг сотрудников

Практически одновременно с решением участи свергнутых правителей началась подготовка к коронации Елизаветы Петровны. По традиции она должна была состояться в Москве, в Успенском соборе Кремля. 23 февраля императрица отправилась в древнюю столицу и довольно быстро, в течение трех дней, преодолела более семисот верст, 26 февраля она прибыла в село Всехсвятское в нескольких верстах от Тверской заставы Москвы. Коронация состоялась 25 апреля в необычайно торжественной обстановке. Иллюминация, народные гулянья, угощения и балы продолжались восемь дней после этого события.

Так началось двадцатилетнее правление Елизаветы Петровны. Как часто приходится слышать, сама императрица не вникала в подробности государственной внутренней и внешней политики, проводила время в забавах и увеселениях. Может быть, она и не имела способностей к многотрудной работе постоянного управления государством. Но от нее это не требовалось, если вокруг трона находились надежные соратники, опытные и талантливые политики. А это уже зависело от императрицы, кого она призовет к управлению, кому поручит те или иные его отрасли.

Кто же были те люди, кто составил правящую элиту при Елизавете Петровне? Совершенно понятно, что многие из них входили в окружение принцессы Елизаветы еще до переворота, приняв в нем участие, рискнув всем, возможно, и жизнью, они в качестве победителей и должны были получить награды, должности, почести.

Портрет Н. Д. Разумовской, матери А. Г. и К. Г. Разумовских. Художник Г. Г. Хойзер.

Был упразднен Кабинет министров, высший орган управления, существовавший при Анне Иоанновне и «Брауншвейгской фамилии». В той или иной мере восстанавливалась система управления, сложившаяся еще при Петре I. Тем более что Елизавета шла к власти как дочь своего великого отца и постоянно подчеркивала свою приверженность основным принципам его политики. В качестве коллегиального органа высшей администрации вновь приобрел большое значение Сенат. По своему составу он был весьма невелик. После того как из числа сенаторов были удалены те, кто получил эту должность при Анне Леопольдовне, в сенате числилось всего 14 человек. Сенат занимался в основном обсуждением указов и законов, прежде чем представить их на утверждение императрице.

Портрет А. Г. Разумовского.

Ведущая роль в определении политики страны и ее управления принадлежала лицам, пользовавшимся наибольшим доверием Елизаветы Петровны. Во-первых, это люди, входившие в близкий круг общения Елизаветы задолго до ее прихода к власти. Выше уже говорилось в этой связи о семействах Шуваловых и Воронцовых. Возвышение семьи Шуваловых связано с тем, что одна из близких подруг Елизаветы, Мавра Шепелева, вышла замуж за Петра Ивановича Шувалова, костромского дворянина средней руки. Когда Елизавета стала императрицей, Петру Шувалову были доверены вопросы финансового управления, осуществление политики в области промышленности и торговли. Его старший брат Александр Иванович Шувалов стал одним из руководителей политического сыска, он стал помощником

начальника Тайной канцелярии Алексея Ушакова, а впоследствии и возглавил это мрачной памяти учреждение.

Портрет К. Г. Разумовского. Художник Л. Токке.

Иоганн Лесток и Михаил Илларионович Воронцов, непосредственно сопровождавшие Елизавету на запятках саней в ночь переворота, также не остались в тени. Лесток получил повышение по своей медицинской части. Оставаясь в качестве лейб-медика и личного врача, одним из самых доверенных лиц императрицы, он возглавил Медицинскую канцелярию, получив право выдавать свидетельства на врачебную деятельность всем медикам империи. Михаил Илларионович Воронцов, женатый на двоюродной сестре императрицы Анне Скавронской, происходил из старинного дворянского рода. Он не обладал ни знаниями, ни способностями, необходимыми для серьезной политической деятельности. Елизавета понимала это и в то же время не могла не ценить его как лично ей преданного человека, назначила его на должность вице-канцлера, то есть второго лица в Коллегии иностранных дел, главном внешнеполитическом ведомстве.

У Михаила Воронцова были братья Роман и Иван. Роман получил прозвище Большой Карман, поскольку, будучи человеком небедным, помогал Елизавете еще в бытность ее принцессой в

разного рода материальных затруднениях. Больших постов он не снискал, но благодаря возвышению Воронцовых при Елизавете его дети вошли в историю правления Екатерины II – это сыновья Александр (глава Коммерц-коллегии) и Семен (посол в Англии и известный англоман), а также дочь Екатерина, в замужестве известная под фамилией Дашкова. Была еще дочь Елизавета, но та вошла в историю как фаворитка Петра III.

Казалось, и самый близкий человек к императрице Алексей Разумовский также мог рассчитывать на приобретение важнейших должностей. Но, как и Бирон в правление Анны Иоанновны, он не получил высоких назначений по государственному управлению, а был удостоен главным образом высоких рангов на придворной службе. Кроме высшего придворного звания действительного камергера, Разумовский носил еще чин обер-егермейстера. Помня о своем происхождении и трезво оценивая свои способности, он и не стремился к каким-либо государственным или военным должностям, с разумной иронией воспринимал награждения его чином генерал-поручика или фельдмаршала, которым Елизавета его все же удостоила. В отличие от Бирона, который стремился к возможно большему влиянию при дворе и в сфере управления страной, Алексей Разумовский избегал участия в придворных интригах, тем более сторонился важных политических вопросов. Свое влияние на императрицу он употреблял достаточно осторожно и взвешенно.

Портрет Иоганна Лестока. Художник Г. Х. Гроот.

Возвышение Алексея от простого казака до фаворита императрицы сказочным образом преобразило и жизнь всего его семейства. Дочь старшего брата стала фрейлиной государыни и вышла замуж за канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, мужья трех сестер получили важные должности в местном управлении на Украине. Мать Разумовского Наталья Демьяновна была приглашена императрицей в Москву, когда двор находился в первопрестольной столице. Алексей Разумовский встретил мать по дороге, и та не узнала своего сына в роскошном костюме, украшенном золотым шитьем и бриллиантами. Скоро и Наталью Демьяновну нарядили и причесали по последней придворной моде. Оказавшись перед зеркалом, она приняла собственное изображение за императрицу и опустилась на колени. Тем не менее Елизавета Петровна была приветлива и учтива с Натальей Демьяновной, удостоила ее звания статс-дамы.

Однако статс-дама Разумовская недолго прожила во дворце, вскоре она вернулась на родину, где уже имела хороший просторный дом, содержала шинок, по мере сил заботилась об остальных своих детях, используя высокие связи в столице. В 1744 г. она вновь встретилась с императрицей, когда та в сопровождении Алексея Разумовского посетила его родину.

У Алексея Разумовского был еще младший брат Кирилл, которого благодаря заботам брата и личным способностям ждала яркая карьера. Он родился на том же хуторе Лемеши и начальное образование получил у того же дьячка в селе Чемер, что и его брат. Уже в пятнадцатилетнем возрасте по инициативе брата Кирилл был вызван в Петербург и отправлен учиться за границу. Нужно сказать, что Алексей, будучи обязанным своему возвышению музыкальным способностям, всегда ощущал недостаток образования, понимал важность просвещения. Он поддерживал связи с наиболее просвещенными людьми из окружения Елизаветы – Тепловым, Сумароковым, Ададуровым. Они также поддерживали его в стремлении дать младшему брату достойное образование. Сам Теплов сопровождал юного брата фаворита во время его пребывания в зарубежных университетах. К. Г. Разумовский изучил немецкий и французский языки, слушал курсы всемирно известных профессоров в Кенигсберге, Берлине и Геттингене. Возвратившись в Петербург, поразил всех своими манерами, уровнем образования, владением языками, был назначен президентом Академии наук и гетманом Украины.

Однако Елизавета Петровна при формировании своего правительства должна обратиться и к тем, кто входил в число высших управленцев во время предыдущих царствований: Анны

Иоанновны и Иоанна Антоновича. Конечно, первые лица – Миних, Остерман и некоторые другие – отправились в ссылку. Но многие, даже весьма значительные персонажи из правительств Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны продолжили свою карьеру и при Елизавете Петровне.

Так, князь Алексей Черкасский, человек богатый, но безобидный, до переворота 25 ноября 1741 г. состоял членом Кабинета министров. Елизавета Петровна упразднила этот Кабинет, а Черкасский около года до своей кончины состоял в должности канцлера.

Наиболее яркой фигурой из этого круга деятелей правления Елизаветы был, без сомнения, Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. Императрица не могла не оценить его богатый дипломатический опыт. Ведь он начал карьеру при Петре I, в правление Анны Иоанновны он представлял Россию в городах Ганзейского союза, и снова – в Дании. Его успехи на дипломатическом поприще, заслуги в обеспечении прав Анны Иоанновны на российский трон привлекли внимание Бирона. При его содействии А. П. Бестужев-Рюмин был вызван в Петербург и занял место члена Кабинета министров вместо казненного А. П. Волынского. Вероятно, Бирон видел в нем своего сторонника в противодействии А. Остерману, фактически возглавлявшему Кабинет. Свержение Бирона привело и к аресту А. П. Бестужева-Рюмина. Он был приговорен к ужасной казни четвертованием, но все же замененной на ссылку. Осенью 1741 г. в результате продолжающихся распрей в окружении Анны Леопольдовны он был вызван в Петербург, но должностей каких-либо получить не успел.

Портрет М. И. Воронцова. Художник А. П. Антропов.

Как бы то ни было, при воцарении Елизаветы Петровны он мог рассматриваться в качестве жертвы павшего режима. И новая императрица, несмотря на его прежнее сотрудничество с Бироном, имела все основания привлечь его к делам управления. Бестужеву как наиболее опытному дипломату было поручено составление манифестов о вступлении на престол Елизаветы Петровны, в дальнейшем он стал руководителем внешней политики империи.

Тайная канцелярия, орган политического сыска, перешла к Елизавете в наследство от прошлых правительств. Сохранил свою должность и ее начальник Андрей Ушаков, имевший непосредственное отношение и к гибели Волынского и Долгоруких и других жертв так называемой бироновщины. Но он, несомненно, обладал информацией о перевороте в поддержку Елизаветы, представлял себе, насколько велики ее шансы на успех, и вовремя перешел на сторону победителей. До своей кончины в 1746 г. он оставался на своем посту, после чего его сменил Александр Шувалов.

Князь Яков Петрович Шаховской был лишен поста генерал-прокурора Сената. Хотя он и торопился, как мы видели, во дворец Елизаветы, получив первые известия о происходящих событиях, все же императрица передала столь важную должность князю

Никите Трубецкому, активному участнику переворота. А князь Шаховской, ранее верный сторонник Бирона, теперь получил также весьма важную должность обер-прокурора Синода. Он должен был контролировать деятельность этого коллегиального органа по руководству Православной церковью, учрежденному Петром I вместо патриарха.

Мавра Егоровна Шувалова (урожд. Шепелева).

Сохранил свое положение и самый влиятельный архиерей правления Анны Леопольдовны – Новгородский архиепископ Амвросий. Он принес повинную императрице, ему было поручено составление важных документов с обоснованием права Елизаветы на престол, а также готовиться к торжественной процедуре ее священного коронования.

Были среди высшей знати елизаветинского времени и лица иностранного происхождения, несмотря на то, что Елизавета пришла к власти под лозунгом борьбы против «засилья немцев». Сохранил свое положение фельдмаршал Пётр Ласси. Происходивший из Франции, он начал службу в России с 1700 г., отлично зарекомендовал себя в сражениях Северной войны. В правление Анны Иоанновны он действовал во главе русских войск в войне за польское наследство, отличился в войне с Турцией, наконец, в момент ноябрьского переворота 1741 г. Ласси находился во главе русской армии в войне со Швецией. Боевой генерал, он не принимал участия в интригах, трудно сказать, к какой из постоянно соперничавших группировок российской

знати он принадлежал. Неудивительно, что с приходом к власти Елизаветы Петровны он сохранил значение одного из главных в то время военных деятелей страны. И он оправдал доверие, в 1743 г. войска под его руководством победоносно закончили войну со Швецией. Так же успешно продолжалась при Елизавете карьера еще одного соратника Миниха – генерала Вилима Фермора, шотландца по происхождению.

В числе лиц немецкого происхождения, снискавших доверие Елизаветы Петровны, можно назвать также уроженца Риги Карла Бреверна. Он сделал карьеру на дипломатическом поприще, будучи помощником Остермана. Несмотря на расправу со своим начальников, Бреверн вошел в число руководителей Коллегии иностранных дел, стал ближайшим помощником А. П. Бестужева-Рюмина.

Видное место в окружении Елизаветы Петровны занял Людвиг Гессен-Гомбургский. Он был принцем одного из небольших немецких княжеств, при Петре I поступил на русскую службу, сделал яркую военную карьеру при Анне Иоанновне, занимая важную должность генерал-фельдцейхмейстера – начальника всей артиллерии. Соперничая за влияние в военных делах с Минихом, при Анне Леопольдовне принц Гомбургский оказался сторонником принцессы Елизаветы и принял активное участие в подготовке и осуществлении переворота. Став императрицей, Елизавета Петровна поручила ему руководство всеми войсками, находившимися в Петербурге, ему же была поручена ответственная должность по управлению главным в то время военным учебным заведением – Шляхетским кадетским корпусом. А в 1742 г. во время поездки Елизаветы Петровны в Киев Людвиг Гессен-Гомбургский, по происхождению немецкий принц, был назначен начальником российской гвардии.

Таким образом, восшествие на трон Елизаветы Петровны способствовало возвышению целого ряда русских по происхождению аристократов. Очевидно, они составляли большинство в ее ближайшем окружении. И недалеки от истины те, кто одной из основных причин переворота 25 ноября 1741 г. считает стремление избавиться от засилья немцев в управлении страной. Однако Елизавета Петровна вовсе не считала принцип национальной принадлежности главным в своей кадровой политике. Как и ее отец, она в первую очередь обращала внимание на личные качества претендента на ту или иную должность и вполне могла сохранить на высоких должностях лиц иноземного происхождения. Российская правящая элита в ее царствование, как и прежде, оставалась многонациональной по своему составу и происхождению. В этой связи вполне логичным

выглядит решение Елизаветы Петровны по вопросу о наследнике трона.

С другой стороны, состав правящей элиты при Елизавете Петровне оказался сложным. Наряду с теми, кто входил в ее ближайший круг общения в бытность ее принцессой, на высоких постах оказались люди, сделавшие карьеру при предыдущих правителях. Все это не исключало, а напротив, предполагало борьбу за власть и влияние в окружении императрицы и в руководстве страной. Это соперничество не могло не привлекать иностранных дипломатов. Ведь позиция России как великой державы была крайне важна в международных делах. А повлиять на эту позицию можно через российских вельмож, которые, соперничая друг с другом, нередко придерживались и различных взглядов по поводу внешней политики.

Война за австрийское наследство и придворные интриги

Между тем внешнеполитическая ситуация была непростой. Достаточно сказать, что Елизавета Петровна пришла к власти во время войны со Швецией. Эту войну удалось успешно закончить только в 1743 г., причем Россия не только сохранила завоевания в Прибалтике времен Петра I, но и получила еще небольшую территорию к северу от Выборга. Граница со шведской Финляндией теперь прошла по реке Кюмень, и в состав России вошли города Вильманстранд и Фридрихсгам. Правительство в Петербурге могло претендовать и на большие завоевания в Финляндии, однако нужно было найти компромисс со знатью в Стокгольме по поводу наследства шведского трона. Одним из претендентов был датский принц, но для России была предпочтительнее кандидатура принца из родственного голштинского дома. Один из голштинских принцев, Карл Петер Ульрих, был уже призван в Петербург в качестве наследника императорского трона. А в качестве наследника шведского трона Россия предложила принца Адольфа Фридриха, двоюродного дядю российского наследника. Немаловажно и то, что он был родным братом того самого принца и епископа Любека Карла Августа, когда-то понравившегося принцессе Елизавете, собиравшейся выйти за него замуж. Но ранняя смерть Карла Августа помешала тому. Теперь при поддержке России, преодолев сопротивление датчан, его брат Адольф Фридрих был объявлен наследником шведского трона, а с 1751 г. двадцать лет правил в Стокгольме, и все это время Россия и Швеция находились в мирных, а иногда и в союзнических отношениях.

Однако в ходе этой дипломатической борьбы за будущее шведской короны А. П. Бестужев-Рюмин поддерживал Данию. И в данном случае он проиграл.

Он еще не в полной мере утвердился в качестве главного лица в российском внешнеполитическом ведомстве. И он продолжал борьбу. Бестужев-Рюмин придерживался традиционной для России линии на союз с Австрией при противодействии Франции, приверженцем того же курса многие годы ранее был и А. Остерман. Но в начале правления Елизаветы Петровны у Бестужева-Рюмина были сильные противники. Это французский посол (или как тогда говорили – «министр») маркиз Иоахим Шетарди, а также лейб-медик императрицы Иоганн Лесток. Они считали, что сыграли важную роль в перевороте

1741 г. и теперь рассчитывали на поддержку новой императрицы.

Позиция России в европейской политике начале 40-х гг. приобрела особое значение. Тогда в очередной раз обострилась обстановка в Центральной Европе, что было связано с усилением Пруссии, а также ситуацией с престолонаследием в империи Габсбургов, одной из самых крупнейших держав на континенте и старейшей и общепризнанной из существующих империй. Официально она именовалась Священная Римская империя германской нации. Эта империя возникла в Средневековье и к XVIII веку представляла собой в значительной мере уже формальное объединение множества немецких земель во главе с королями, курфюрстами, герцогами, включая и так называемые вольные города. Власть Габсбургов во многих этих землях была формальной, но, в свою очередь, они имели собственные наследственные территории, как немецкие, так и за пределами собственно Германии: это Богемия, Венгрия, частично Северная Италия и т. д. Ядром наследственных владений Габсбургов были австрийские земли со столицей в Вене. Поэтому в XVIII веке и в дальнейшем державу Габсбургов обычно называли Австрией.

В 1740 г. скончался император Карл VI Габсбург, который не имел сыновей и передал трон своей дочери Марии Терезии на основании так называемой Прагматической санкции, изданной в 1713 г. Эту санкцию поддержали практически все европейские государства, в том числе и Россия. Но едва Карл VI умер, как многие страны отказались от признания Марии Терезии наследницей короны Габсбургов. Одним из первых среди них оказался молодой энергичный король Пруссии Фридрих II. Он начал войну против Австрии и завоевал одну из богатейших ее провинций – Силезию. Франция поддержала Пруссию, надеясь с ее помощью сломить могущество Габсбургов. При поддержке противников Марии Терезии императором Священной Римской империи был провозглашен баварский курфюрст Карл Альбрехт под именем Карла VII. На стороне Марии Терезии, которую многие считали теперь не более чем «венгерской королевой», определенно оставалась Великобритания.

Многое зависело от России, которая оказалась в сложной ситуации. Во-первых, в Петербурге традиционно поддерживали союзнические отношения как с Австрией, так и с Пруссией. А теперь они оказались врагами. Кого предпочесть? – российская дипломатия оказалась в крайнем затруднении. Во-вторых, начало борьбы за австрийское наследство, захват Пруссией Силезии произошло как раз тогда, когда в Петербурге находилось слабое и неустойчивое правительство «Брауншвейгской фамилии».

Придя к власти, Елизавета Петровна и ее правительство

должны были найти выход. Шетарди и Лесток активно действовали в интересах Франции и Пруссии. Чтобы добиться большего расположения российского правительства и самой Елизаветы, Шетарди обещал посредничество в окончании войны со Швецией. В этом он был не всегда последовательным, так как по большому счету правительству в Париже была выгодна вовлеченность России в войну с северным соседом – это уменьшало ее возможности вмешаться в общеевропейские дела.

Французские и прусские дипломаты понимали, что их главный соперник Бестужев-Рюмин – сторонник сближения с Австрией. И они попытались скомпрометировать его, организовав так называемое «дело Лопухиных». Прибывший в Петербург в качестве официального представителя Франции д'Аллион (маркиз Шетарди на время отбыл на родину) обратил внимание на Наталью Лопухину, статс-даму императорского двора. Она была племянницей Анны Монс, той самой, которой в юности увлекся Пётр I. Будучи женой Степана Лопухина, она испытала взлеты и падения всей этой фамилии, из которой происходила царица Евдокия, первая жена Петра I. Ее семья в правление Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны занимала видное положение при дворе. В ходе переворота 25 ноября 1741 г. Степан Лопухин был арестован, находился под следствием, после чего был выслан в Москву. Его жена осталась в Петербурге. Но она не могла сочувствовать произошедшим переменам, испытывала неприязнь к людям из окружения Елизаветы, теперь возвысившимся. Не всегда могла скрыть эту неприязнь, удержаться от всякого рода колких замечаний в адрес новых людей и порядков при дворе.

Кроме того, Наталья Лопухина была и оставалась, говоря современным языком, светской львицей. Она была хороша собой, наряжалась по последней французской моде, некоторым казалось, что она осмеливается соперничать при этом с самой императрицей. Скорее всего, это досужие придворные сплетни, но не исключено, что и Елизавета испытывала неприязнь к своей слишком эффектной статс-даме.

Это и стало основой для создания целого дела о «государственной измене». Началось все с того, что маркиз Ботта, бывший австрийским послом в России до 1742 г., будучи переведенным в Берлин в 1743 г., рассказал там, что положение Елизаветы Петровны на троне не является прочным, во многих знатных домах в Петербурге, где он бывал, ей недовольны, надеются на возвращение на трон «императора Иоанна». Об этих рассказах Ботты стало известно французским дипломатам в Берлине, информация на сей счет была тут же передана в Петербург д'Аллиону. Тот познакомил с ней Лестока. Стало ясно,

что Ботта бывал среди прочих и в доме Лопухиных. На Наталью Фёдоровну с ее невоздержанным языком «компромат» было найти нетрудно.

Кроме того, агенты Лестока втерлись в компанию к сыну Натальи Ивану, чтобы подпоить его и добиться нужных им откровений. Что и удалось. Иван Лопухин, будучи под хмелем, говорил о предосудительном поведении императрицы Елизаветы, что она окружена «дурными людьми», о ненадежности ее охраны, о вероятном вскоре возвращении к власти «принца Иоанна». Последовал донос в Тайную канцелярию, и та взялась за дело. Были арестованы Наталья Фёдоровна Лопухина, ее сын Иван и муж Степан. В круг общения Лопухиных входила и Анна Гавриловна Бестужева, которую следователи также привлекли к делу, добившись, чтобы Лопухины дали против нее показания. Именно вовлечение Бестужевой было важно для Лестока и сотрудничавших с ним французских и прусских дипломатов. Ведь муж Анны Гавриловны Михаил Петрович являлся братом А. П. Бестужева-Рюмина, против кого и была направлена вся эта интрига.

Следствие велось с применением пыток и истязаний, в том числе и по отношению к женщинам. Подследственные во всем признались. Суд приговорил большинство обвиненных к жестоким казням. Елизавета Петровна вновь проявила милосердие. Жизнь всем была сохранена. Анну Бестужеву, Наталью Лопухину, ее мужа и сына публично били кнутом, вырезали им языки и отправили в ссылку.

А вот главной цели инициаторы этого дела не достигли. Свалить Бестужевых не удалось. Михаил Петрович отрекся от всех «преступлений» своей жены и от нее самой, получил даже часть ее конфискованного имущества и в качестве вознаграждения «за невинное терпение» получил высокое назначение – пост посла в Берлине. За этим стоял его брат Алексей Петрович, который сумел отвести от себя и своих родственников все подозрения, сохранить свой пост и влияние во внешнеполитических делах. Видимо, Елизавета Петровна по-прежнему высоко ценила его качества государственного деятеля. А с Лопухиными она расправилась столь жестоко, видимо, из неприязни к лицам из окружения прежних правительниц и опасения возможного заговора в пользу Иоанна Антоновича. Недаром в связи с делом Лопухиных брауншвейгское семейство было переведено из пригорода Риги – вглубь страны, в Раненбург. Это означало, что их выезд за границу отменялся и им предстоит заточение в России.

Но в середине 40-х гг. противники Бестужева, в том числе и

среди зарубежных дипломатов, были еще сильны. Его курс в поддержку Австрии и Марии Терезии по-прежнему испытывал сильное противодействие со стороны Франции и Пруссии. Это проявилось еще в одном важном тогда для двора и лично для Елизаветы деле – приглашении наследника престола, поиска для него невесты и приезда ее в Россию.

Выбор наследника

Что касается наследника трона, особого выбора у Елизаветы Петровны не было. Собственных детей, по крайней мере рожденных в официальном браке, у нее не было. Самым близким ее родственником оставался племянник, голштинский принц Карл Петер Ульрих, сын ее сестры Анны, скончавшейся в 1728 г. В принципе, если формально следовать завещанию Екатерины I, он мог быть провозглашен императором сразу после свержения Иоанна Антоновича. Не случайно в правление брауншвейгского семейства власти считали его не менее опасным, чем Елизавету.

Тем не менее Елизавета Петровна предпочла лично взойти на трон, а племянника пригласить в качестве наследника. Причем это было сделано практически немедленно. Императрица, очевидно, рассчитывала, что присутствие законного наследника при дворе будет способствовать упрочению ее положения у власти, уменьшит риск всякого рода вмешательства извне. Уже в январе 1742 г., т. е. через два месяца после восшествия Елизаветы на трон, в Петербург прибыл ее племянник голштинский принц Карл Петер Ульрих, худенький четырнадцатилетний отрок, в сопровождении своего гофмаршала Отто фон Брюмера. Он принял участие в коронации императрицы в апреле 1742 г. в качестве наследника трона. В ноябре Карл Петер Ульрих был крещен по православному обряду и принял имя Петра Фёдоровича с титулом великого князя.

Теперь следовало позаботиться и о его будущем браке, чтобы обеспечить дальнейшее продолжение правящей династии. Невесту для наследника российской императорской короны надлежало найти среди европейских принцесс. Конечно, все они были либо католичками, либо лютеранками, но предполагалась, что избранница великого князя примет православие и пройдет тот же духовный путь, что и жених.

Портрет великой княгини Екатерины Алексеевны. Художник Г. Х. Гроот.

Конечно, при этом не обошлось без политики. Бестужев-Рюмин в свете укрепления союза России с Австрией выступил в поддержку кандидатуры дочери курфюрста саксонского, союзника Марии Терезии, враждовавшего с прусским королем Фридрихом II. Тем не менее в данном случае верх одержали сторонники Пруссии. Елизавета Петровна последовала совету Фридриха II избрать в невесты наследнику принцессу из небольшого Ангальт-Цербстского княжества Софию Фредерику Августу. Правящим князем там состоял ее дядя, а отец находился на службе прусского короля в чине полковника, был комендантом крепости Штеттин (ныне – Щецин в Польше). В этой крепости и появилась на свет София Фредерика Августа, известная тогда под именем принцесса Фике, а впоследствии как российская императрица Екатерина II. Елизавета сделала выбор в пользу принцессы Фике и потому, что ее семья находилась в родстве с голштинской династией, в то время как иные германские принцессы принадлежали к разветвленной родне брауншвейгских герцогов, за которой стояла тень несчастного императора Иоанна. Мать Софии Фредерики Августы принцесса Иоганна Елизавета была двоюродной сестрой Голштинского герцога Карла Фридриха, мужа Анны Петровны, сестры Елизаветы, матери Петра Фёдоровича. Следовательно, жених и невеста были троюродными братом и сестрой.

Портрет великого князя Петра Фёдоровича. Художник Г. Х. Гроот.

Фридрих II, поддерживая намечающийся брачный союз, надеялся в будущем оказывать влияние на русскую политику через избранницу великого князя. А пока он не преминул проинструктировать Иоганну Елизавету, чтобы та, пребывая при российском дворе, поддерживала контакты с прусским послом, сообщала ему разного рода полезные сведения и следовала его советам. Задача была прежней – скомпрометировать и добиться отстранения Бестужева-Рюмина.

Лютой зимой 1744 г. невеста наследника прибыла в Россию вместе со своей матерью. Их путь лежал в Москву, поскольку императрица Елизавета Петровна в ту зиму пребывала в первопрестольной столице. Она ласково встретила принцессу Фике, тут же назначила ей учителей, в том числе священника

Теодорского для наставления в православной вере, а для обучения русскому языку – Василия Ададурова, близкого семье Разумовских. Юная цербстская принцесса не вполне представляла себе суровость русской зимы. Вскоре она жестоко простудилась и слегла в страшном жару, в течение месяца не вставала с постели, временами теряя сознание. Императрица Елизавета была крайне обеспокоена болезнью невесты наследника. Она не отходила от ее постели, много молилась и плакала. Однажды Иоганна Елизавета решила пригласить к дочери лютеранского пастора. Но юная принцесса просила позвать православного священника Теодорского. Это глубоко тронуло императрицу Елизавету.

Принцесса Фике выздоровела. Вскоре она приняла крещение по православному обряду, получила имя и отчество – Екатерина Алексеевна (как и мать императрицы Елизаветы), а также титул великой княгини. 21 августа 1745 г. состоялась ее свадьба с наследником трона Петром Фёдоровичем. Торжества по этому случаю продолжались десять дней.

Завершение войны за австрийское наследство
Торжество канцлера Бестужева-Рюмина

Тогда же в Россию вернулся маркиз Шетарди, который включился в деятельность по продвижению интересов Франции и Пруссии при русском дворе. Бестужев-Рюмин понимал, что его противники вновь расставили против него сети, и поступил довольно простым и обычным для XVIII века образом. Он распорядился перехватывать письма Шетарди, отправляемые за рубеж, и подвергать их перлюстрации. Тем более это были простые депеши, а отнюдь не дипломатическая почта, так как маркиз счел для себя более удобным оставаться в России обычным иностранцем, не стал вручать верительные грамоты. Из перехваченных писем стало ясно, что француз активно действует ради отстранения Бестужева в сотрудничестве с послом Пруссии, имеет при императорском дворе сообщников, которым выплачивает своего рода пенсион за услуги. Назывались и лица, кто получал подобный пенсион. Это Иоганна Христина, мать невесты наследника, ее сообщница госпожа Румянцева и, что совсем было интересно, лейб-медик императрицы Лесток. Мало этого, в письмах Шетарди крайне нелестно отзывался о самой Елизавете Петровне: она часами сидит перед зеркалом, избегает разговоров на важные темы, неразборчива в выборе сотрудников и так далее. Однажды летом 1745 г. эти письма были предъявлены Елизавете Петровне. Она поверила не сразу, но Бестужев-Рюмин развеял ее последние сомнения. Тогда императрица потребовала, чтобы Шетарди покинул Россию в течение 24 часов. Также должна была уехать домой Иоганна Елизавета, правда, ей разрешили дождаться свадьбы ее дочери с наследником трона.

С Лестоком тогда же расправиться не удалось. Узнав от Бестужева, что Лесток получал деньги от Шетарди, Елизавета Петровна заверила того, что французы тратят деньги понапрасну. Никаких советов Лестока, кроме медицинских, она не слушает и вообще не позволяет ему слишком много с ней о чем-либо разговаривать. Тогда Бестужев заявил, что он не может ручаться за высочайшее здоровье. После некоторых колебаний императрица перестала пользоваться услугами Лестока в качестве медика и согласилась с тем, чтобы установить за ним слежку.

И только через три года наступила развязка. Сам подозреваемый тому способствовал. В мае 1748 г. Лесток заметил присматривающего за ним человека. Он приказал слугам схватить его и силой добиться признания в шпионаже. После этого Лесток явился во дворец и потребовал от Елизаветы Петровны объяснений. Императрица успокоила его и обещала во всем разобраться, освободив от всяких подозрений. Но вышло все по желанию Бестужева-Рюмина. В Тайную канцелярию были доставлены секретарь и слуги Лестока. Теперь ее возглавлял Александр Иванович Шувалов. Он находился в дружеских отношениях с Бестужевым. Под пытками секретарь Лестока дал показания, что его господин имел постоянные контакты с прусским и шведским послами и получал от них деньги. Был взят в крепость и сам Лесток. Он отверг все обвинения, отказался отвечать на вопросы и несколько дней держал голодовку. Императрица приказала пытать Лестока, служившего многие годы ей в качестве личного врача и рисковавшего головой во время ее восшествия на престол в 1741 г. Но и пытки не сломили упорного гугенота. Он не выдал своих сообщников, хотя прусский посол Финкельштейн поспешил просить отзывных грамот, чтобы от греха побыстрее уехать в Берлин. Бывший лейб-медик Иоганн Лесток был сослан в Великий Устюг, откуда он вернулся спустя 14 лет в правление Петра III.

Портрет А. П. Бестужева-Рюмина. Художник Л. Токке.

А пока Бестужев-Рюмин находился на вершине успеха. В 1745 г. в результате разоблачения Шетарди он получил пост великого канцлера, то есть держал в своих руках внешнюю политику страны уже в полной мере. Россия теперь более последовательно придерживается проавстрийской линии, действует в борьбе за австрийское наследство на стороне Марии Терезии. В связи с этим происходит сближение и с Великобританией, которая тогда также была заинтересована в поражении Франции и ее союзников. В 1743 г. Россия еще пыталась лавировать между противниками в борьбе за австрийское наследство.

Тогда же был подписан союзный договор между Россией и Пруссией. Фридрих II надеялся на усиление своего влияния в России, отсюда и его надежда на брак наследника Петра Фёдоровича с принцессой Ангальт-Цербстской и усилия по свержению Бестужева-Рюмина.

Однако и Бестужев-Рюмин набирал силу. Все в большей степени ему удавалось убедить Елизавету Петровну в правильности проводимой им внешнеполитической линии. В 1744 г. по его настоянию был подписан союзный договор между Россией и Саксонией. Поддержка этого небольшого немецкого государства со столицей в прекрасном городе Дрездене имела важное значение для российских интересов. Саксония в борьбе за австрийское наследство неизменно выступала на стороне Марии Терезии. Кроме того, со времен Петра I курфюрст Саксонии при поддержке России избирался королем Речи Посполитой. Теперь это был Август III, сын Августа II Сильного, союзника Петра I. Это обеспечивало российские интересы в Польше.

Поэтому, когда Фридрих II начал в конце 1744 г. очередную войну против Австрии и Саксонии, захватил Дрезден, он не дождался поддержки России. Россия предпочла вместо договора 1743 г. с Пруссией исполнять договор с Саксонией. Императрица Елизавета Петровна принимала личное участие в обсуждении сложившейся ситуации с участием Бестужева-Рюмина, других сановников. Было принято решение оказать саксонцам помощь. Елизавета Петровна приказала фельдмаршалу Ласси готовить наступление 80-тысячного русского войска из Восточной Прибалтики против Пруссии. Фридрих II вынужден был остановиться и подписать в Дрездене со своими противниками мирный договор практически на условиях status quo ante bellum.

После этого русско-австрийское сближение продолжалось. Неприятные последствия дела Лопухиных и участия в нем маркиза Ботта были преданы забвению. В 1746 г. был подписан

русско-австрийский союзный договор сроком на 25 лет. Этот договор был направлен как против Пруссии, так и против Турции, что было особенно важно для России.

Военные действия в Западной Европе продолжились, на этот раз при активном участии Франции. Они снова оказались не вполне удачными для Марии Терезии и ее союзников. Французский военачальник Мориц Саксонский, лет двадцать назад неудавшийся жених принцессы Елизаветы, нанес несколько поражений австрийским войскам. Россия должна была исполнить свой союзнический долг. К делу подключилась Англия. Как обычно, британцы не собирались посылать своих солдат на континент. Они предоставили России крупную денежную субсидию, чтобы снарядить 80-тысячный корпус. Этот корпус под командованием генерала Репнина в 1748 г. двинулся в поход против Франции на Рейн, намереваясь пройти и по территории Пруссии. В дело этим войскам вступить не пришлось. Противники уже занялись мирными переговорами. Угроза появления на театре военных действий мощной российской армии привела к тому, что мир был подписан довольно быстро. Это был Аахенский мирный договор, который подвел итог войны за австрийское наследство. Австрии удалось сохранить все свои владения, за исключением Силезии, отнятой Пруссией в самом начале. Зато Фридрих II и его союзники должны были признать мужа Марии Терезии Франца Стефана императором Священной Римской империи под именем Франца I. Тем самым Габсбурги сохранили свои позиции, исключая потерю Силезии. Но очевидное усиление Пруссии означало, что вскоре предстоит новая борьба.

Так, в течение нескольких лет в результате непростой борьбы с участием придворных группировок и иностранных дипломатов определилась основная политическая линия российской внешней политики. Как и расстановка сил в окружении Елизаветы Петровны.

Доходы и расходы. Финансовый гений П. И. Шувалова

Ситуация внутри страны была не менее сложной. Как всегда, империя испытывала серьезные финансовые трудности. Боеготовность армии в сложной международной обстановке, содержание чиновно-бюрократического аппарата, растущая роскошь императорского двора требовали немалых казенных расходов. Основным источником доходов казны были прямые налоги, со времен Петра I это была подушная подать. Она взималась в расчете по числу душ мужского пола в семье, общине, волости. Пётр I определил ставку подати в размере 74 копеек с души для крестьян, составлявших подавляющее большинство (до 90 %) населения страны. Екатерина I, чтобы привлечь симпатии подданных, округлила подать в меньшую сторону, определив ее в размере 70 копеек. Несмотря на это, недоимки в сборе подати стали хроническим явлением. С ними столкнулась в начале правления Анна Иоанновна. Перед той же проблемой оказалось и правительство Елизаветы Петровны.

Портрет графа П. И. Шувалова (копия). Художник Ф. С. Рокотов.

Но как увеличить доходы казны? Повысить ставку подати? Правительство понимало, что и 70 копеек – это уже достаточно много для крестьянской семьи. Ведь обычно в семье было несколько лиц мужского пола, считая всех – от младенцев до стариков. Значит, семья должна была платить где-то от двух до пяти рублей в год, а это стоимость коровы или избы. (Правда, следует отметить, что размер подати с каждой семьи определяла община в зависимости от достатка. Ведь самые бедные и

безлошадные не смогли бы заплатить из расчета 70 копеек. Поэтому община увеличивала сумму для зажиточных крестьян, уменьшая ее в отношении бедных. Ставка в 70 копеек при таком расчете реально выпадала на долю семей среднего достатка.)

Елизавета Петровна не могла решиться на увеличение ставки подати, так как это нанесло бы ущерб ее имиджу как доброй и заботящейся о благе народа государыни. По той же причине она не могла пойти и на применение жестких мер по выколачиванию недоимок. В связи с этим следовало искать иные резервы и возможности для пополнения казны.

На помощь пришел граф Пётр Иванович Шувалов, один из приближенных и доверенных лиц императрицы Елизаветы. Он взял на себя руководство финансами и финансовой политикой империи. По его инициативе была проведена серия важных мероприятий в данной сфере.

В налоговой политике прямые налоги – подушная подать – оставались без изменения. Правда, следовало провести новый учет всех плательщиков, то есть провести их перепись или, как тогда говорили, – ревизию. Тем более что со времен Петра I таковая перепись не проводилась и сбор налогов осуществлялся на основании данных двадцатилетней давности. Поэтому уже в 1742 г. по указу Елизаветы Петровны началась очередная, вторая ревизия.

Но свою основную задачу П. И. Шувалов видел в том, чтобы найти иные источники пополнения казны. В первую очередь он обратил внимание на налоги косвенные. К ним относились всякого рода пошлины и сборы, которые взимались при совершении тех или иных сделок. Например, доходы казны от продажи вина, соли или таможенные пошлины. Так, несмотря на то, что соль находилась в казенной монополии, она продавалась населению в разных городах по совершенно разным ценам – от 3 до 50 копеек за пуд. Шувалов предложил установить единую цену в 35 копеек, что сразу приносило казне доход более полумиллиона рублей. Сенат противился этому. Но П. И. Шувалов, полагаясь на поддержку императрицы, все же добился введения этой меры к концу 40-х гг., когда его влияние в окружении Елизаветы Петровны существенно возросло.

Опираясь на поддержку императрицы, Шувалов выступил с инициативой реформы таможенного обложения, что стало самым значимым деянием правительства Елизаветы Петровны в сфере финансовой и экономической политики. В 1753 г. по предложению Шувалова был издан указ об отмене внутренних таможен. Со времен Средневековья продажа товаров внутри страны, а также их перемещение облагались таможенными

пошлинами. Во всех городах, в больших торговых селах, на ярмарках действовали таможни, неуклонно взимавшие этот сбор. На них были задействованы тысячи служителей, которые привлекались из местных горожан, и для них это была весьма обременительная повинность. На въездах в город имелись заставы, где строго контролировался провоз товаров, чтобы можно было проверить, уплачена ли пошлина с того, что продано. Подобная процедура выглядела уже крайне архаичной, искусственной помехой на пути растущего внутреннего товарооборота страны. И вот теперь эти существовавшие со времен Средневековья барьеры были ликвидированы. Как отмечал выдающийся русский историк С. М. Соловьев, тем самым было завершено дело по собиранию русских земель, начатое еще Иваном Калитой. Но а как же сами доходы, ведь с внутренних таможен поступали изрядные суммы в казну?

П. И. Шувалов и здесь все рассчитал правильно. Он предложил взамен упраздненных внутренних таможен увеличить пошлины с внешней торговли. В первую очередь следовало повысить пошлины на ввоз иностранных изделий, которые уже производились в России. Также повышались пошлины на ввоз предметов роскоши. В результате, несмотря на отмену внутренних пошлин, доходы казны возрастали более чем на 200 тысяч рублей.

Еще один источник дохода, не связанного с прямыми налогами, – денежное обращение. Серебряных денег, имевшихся в стране, уже давно не хватало для обеспечения товарооборота и разных платежей. С начала XVIII века обращались медные деньги, причем из пуда меди чеканилось монет на сумму 8 рублей. П. И. Шувалов предложил чеканить из пуда монет на сумму 16 рублей, что сразу вдвое увеличивало номинальную стоимость выпускаемых денег, а следовательно, и номинальные казенные доходы. Эта операция проходила под руководством Монетной конторы, которой сам Шувалов и руководил через доверенных лиц. Сенат потребовал отчета о деятельности конторы по выпуску медной монеты. Но отчета так и не дождался. Шувалов старался вести дело так, чтобы провести через Сенат какую-либо очередную хозяйственную инициативу, взять на себя поручение о ее реализации, но так, чтобы перед тем же Сенатом ни в чем не отчитываться. В результате за Шуваловым укрепилась слава не только эффективного прожектера, но и человека, который, радея о доходах государства, не забывал и о собственном кармане.

Совершенно очевидным это становится при знакомстве с еще одним направлением экономической политики правительства Елизаветы Петровны, а именно с распространением монополий и

откупов. Этот вполне обычный для государственного хозяйства XVIII века способ привлечения казенных доходов при Елизавете Петровне особенно процветал. Суть была в том, чтобы от имени государства объявить монополию на какой-либо прибыльный промысел, а затем передать его на откуп тому, кто даст наибольшую сумму. Но так как инициатором и организатором подобных операций выступал все тот же П. И. Шувалов, никакого конкурса не проводилось. Или сам Шувалов, или его доверенные лица получали требуемый откуп. Так, откуп на торговлю табаком получил купец Матвеев, а в конце правления Елизаветы Петровны калужский купец Никита Шемякин получил на откуп большинство внешнеторговых таможен, включая наиболее крупные Петербургскую, Архангельскую и др. И Матвеев, и Шемякин были агентами Шувалова. Его же доверенные лица получили откуп на эксплуатацию морских промыслов на Белом море. Издавна поморы добывали там треску, семгу, моржей и тюленей, полученные продукты шли на экспорт. Теперь всю добычу поморы должны были сдавать шуваловским агентам, а те уже имели монопольное право отправлять ее на экспорт. В результате монополисты установили закупочные цены, выгодные им, ниже прежних. Поморы были отрезаны от внешнего рынка. И хотя монополисты обогащались, государство получило требуемую откупную сумму, среднее и мелкое предпринимательство самих поморов переживало упадок. В довершение всему Шувалову удалось получить в 1755 г. под свое управление самые прибыльные в то время заводы на Урале, располагавшиеся вблизи горы Благодать. Эти заводы так и назывались – Горноблагодатскими. Другие уральские промышленники и заводчики лишились доступа к тем богатейшим рудникам.

В завершение разговора о финансовой и экономической политике Елизаветы Петровны необходимо сказать и о столь важном событии, как учреждение банков. До сих пор в России не имелось столь важных финансово-кредитных учреждений, в то время как в некоторых западноевропейских странах они существовали уже по сто и более лет. За кредитом приходилось обращаться к ростовщикам, которые взимали нередко грабительский процент. Купцы могли предоставлять кредит друг другу, но отсутствие специального учреждения, которое могло бы взять на себя эту процедуру, также сдерживало развитие торговли и предпринимательства. В 1754 г. по предложению все того же П. И. Шувалова в Петербурге впервые в России были открыты сразу два банка – Дворянский и «Банк для поправления коммерции при Санкт-Петербургском порту», который часто называют Купеческим. Оба банка были государственными.

Дворянский банк предоставлял ссуды дворянам под залог имений. С этого момента финансовая поддержка дворянства за счет казенных средств надолго вошла в практику многих последующих правительств России. Купеческий банк просуществовал недолго, предназначенный для него капитал был скоро роздан в ссуды наиболее влиятельным купцам, торговавшим в Петербурге.

Оценивая в целом финансовую политику правительства Елизаветы Петровны, вдохновителем которой был П. И. Шувалов, нельзя не отметить ее противоречивый характер. С одной стороны, проводились очень важные меры по развитию торговли и кредита (учреждение банков, ликвидация внутренних таможен). Правительству удалось стабилизировать систему прямых налогов и уделять большее внимание развитию всякого рода косвенных доходов, что свидетельствует о достаточно современной налоговой политике в целом. С другой стороны, имело место чрезмерное распространение монополий и откупов, наносивших ущерб широкому развитию частного предпринимательства и обогащавших отдельных вельмож и их приближенных.

Елизавета Петровна во главе империи и во главе императорского двора. Ее личная жизнь

История России XVIII столетия характерна тем, что после Петра I на троне оказались по большей части женщины. Так или иначе возникает вопрос: а насколько они сами могли нести исключительно тяжелое бремя государственных забот? Известно немало примеров, когда представительницы прекрасного пола весьма достойно справлялись с этой миссией. Из той же России XVIII века в этой связи нельзя не вспомнить Екатерину II. Но в данном случае речь идет об императрице Елизавете Петровне.

Из того, что известно об этой монархине, поначалу складывается впечатление, что все двадцать лет своего правления она провела в непрерывных развлечениях и праздниках. Знаменитый поэт и драматург Алексей Константинович Толстой так отозвался о ней в своей стихотворной пародии на сочинения по истории России: «Веселая царица… Елизавет, поет и веселится, порядка только нет». С легкой руки выдающегося русского историка В. О. Ключевского из книги в книгу переходит информация о том, что после Елизаветы Петровны осталось пятнадцать тысяч платьев. Интерес к этому проявил после кончины императрицы ее преемник Пётр III, о результатах своих подсчетов сообщил своему воспитателю Якобу Штелину, который и зафиксировал эту информацию для потомков.

Подобное представление о веселом характере императрицы, ее пристрастиях к балам и развлечениям является совершенно верным. Но при этом Елизавета Петровна никогда не забывала, что именно она управляет государством. И она могла находить время и уделять внимание именно тем вопросам, которые для управления страной были наиболее важными.

Во-первых, это привлечение к государственной деятельности наиболее подготовленных сотрудников. Здесь мы не увидим каких-либо серьезных просчетов. Если не считать, конечно, выбора наследника престола. Но здесь и выбора-то у нее особого не было. Зато она явно не просчиталась в выборе его невесты.

Во-вторых, императрица вникала в главнейшие вопросы внешней политики. Линию на сотрудничество с Австрией Бестужев-Рюмин не мог проводить, если бы ее осознанно не разделяла сама Елизавета. Она довольно быстро поняла, что Пруссия тогда становилась главным противником России, и уже

исходила из этого в дальнейшей политике. И в связи с этим она терпеть не могла Фридриха II, а не наоборот.

В-третьих, она зорко и неустанно следила за прочностью своего трона. От ее внимания не ускользали всякого рода слухи, намеки на какие-то заговоры, попытки вмешаться в государственные дела без ее ведома. В этом случае Елизавета Петровна лично участвовала в расследовании, давала указания Тайной канцелярии.

Наконец, Елизавета Петровна была абсолютной самодержицей, ее поведение, характер, привычки и пристрастия, общение с родственниками и личная жизнь имели самое непосредственное влияние на жизнь и политику России в целом.

Большой Царскосельский дворец. Современный вид.

Разумеется, в связи с этим нельзя не сказать о российском императорском дворе времен Елизаветы Петровны. Говорят, что «… короля играет свита». Но по отношению ко многим российским самодержцам XVIII и XIX веков это правило надо понимать наоборот, поскольку, как правило, атмосфера придворной жизни зависела прежде всего от характера и пристрастий монарха. К Елизавете Петровне это относится в полной мере. В ее правление уровень роскоши и блеска при российском императорском дворе, по мнению некоторых очевидцев, уже можно было сравнить с Версальским двором французских королей. И самой яркой звездой при российском дворе была сама императрица. Как известно, Пётр I был большим

любителем разного рода празднеств и придворных развлечений. Его дочь Елизавета и здесь пошла в отца. Еще будучи принцессой, она много времени проводила в разного рода забавах в кругу своих приближенных, насколько ей позволяли средства. Став императрицей, она уже не имела никаких ограничений, чтобы дать волю своим вкусам и пристрастиям. Разумеется, Елизавета Петровна была далека от грубоватых забав ее отца с «всепьянейшим и всешутейшим собором» или от развлечений Анны Иоанновны с «дурами» и «дураками». Для Елизаветы Петровны главным стало стремление следовать европейскому блеску и роскоши. Основными событиями при дворе теперь стали балы, танцевальные вечера, театральные спектакли. Эти праздники происходили довольно часто, особенно в первое десятилетие правления Елизаветы Петровны. Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть почти на любой странице Камер-Фурьерский журнал, в котором день за днем отмечались события придворной жизни. Вот записи за пару недель после Пасхи 1745 г.: 14 апреля – Праздник Пасхи, Всенощная, утром – Литургия, после нее – пушечная пальба; 16 апреля – бал при дворе; 18 апреля – бал при дворе; 20 апреля – аудиенция голландскому послу; 21 апреля, днем – банкет по случаю дня рождения великой княгини Екатерины, невесты наследника престола, вечером – бал по тому же случаю, в 12-м часу пополуночи – вечернее кушанье на 140 персон; 25 апреля – бал по случаю дня коронации Елизаветы Петровны, после 12 часов пополуночи – вечернее кушанье на 200 персон; 26 апреля – французская комедия в Оперном доме, и т. д.

Крайне важным стало теперь не отстать от последней французской моды. Тон здесь задавала сама императрица. Она распорядилась, чтобы ей доставляли на просмотр образцы всех товаров из числа нарядов, украшений, галантерии, доставленных в петербургский порт из-за рубежа. Только отобрав, что ей понравится, императрица разрешала все остальное отправить в свободную продажу.

Следуя последней французской моде, Елизавета Петровна требовала того же и от придворных дам и кавалеров. Но тем приходилось весьма непросто. Во-первых, даже самые богатые из них не имели столь неограниченных средств, которыми могла пользоваться императрица. А во-вторых, и это касается дам, было довольно опасно выглядеть более эффектно, чем императрица, или иметь в наряде что-то похожее на убор государыни. Наказание в этом случае следовало немедленно, и тому немало примеров. Наталья Лопухина, еще до того как она оказалась под следствием, однажды явилась ко двору с красивой розой в

волосах. Преисполненная ревности Елизавета Петровна приказала ей встать на колени и ножницами срезала розу вместе с частью волос. Несчастная Лопухина упала в обморок. Императрица отправилась танцевать. И это был далеко не единственный случай подобного применения ножниц. Однажды Елизавета Петровна заметила в прическе двух молоденьких фрейлин затейливое украшение, что также вызвало ее зависть. Фрейлины тут же предстали перед императрицей, которая срезала украшения, задев даже кожу на голове девиц.

При подготовке бала Елизавета Петровна нередко сама определяла, как должны быть одеты его участники. Издавались на сей счет указы, где определялся цвет и фасон нарядов дам и кавалеров. Особенно императрица любила балы с переодеванием или маскарады. Но в отличие от маскарада в собственном смысле слова, что подразумевает использование масок, т. е. тайну личности участника, Елизавета Петровна предпочитала маскарады без маски. Издавался указ, что все должны быть на балу-маскараде, нарядившись в какой-либо национальный костюм или костюм мушкетера, казака, голландского моряка и т. п. Слишком простые костюмы («арлекинские» или «пилигримские») не поощрялись. Веселье заключалось в том, как тот или иной сановник будет выглядеть в занятном облачении. Еще интереснее был маскарад, когда предписывалось дамам надеть мужской костюм, а кавалерам облачиться в дамский наряд. Императрица, в молодые годы обладавшая стройной фигурой, выглядела весьма эффектно, например, в мундире гвардейского офицера. И, напротив, смех и даже сочувствие вызывали многие мужчины, путавшиеся в пышных по моде того времени дамских юбках. Тем более если объявлялись танцы: женщины в мужских костюмах танцевали в этом случае за мужчин, а мужчины – за дам.

Таким образом, Елизавета Петровна использовала все имеющиеся в ее распоряжении возможности – и природные данные, и права абсолютной государыни, – чтобы блистать на этих балах и затмить всех возможных соперниц и поразить поклонников. Правда, время брало свое, и чем дальше, тем больше Елизавета Петровна вынуждена была использовать свои возможности императрицы. Отсюда и применение ножниц по отношению к молоденьким фрейлинам.

На балах Елизавета Петровна без устали танцевала, неоднократно меняла наряды в течение одного вечера (вот зачем ей понадобились тысячи платьев). После танцев она садилась играть в карты, и ей обычно везло, о чем сообщают ее партнеры из числа иностранных дипломатов, проигравшие значительные

суммы и надеявшиеся, что их правительства примут сей расход на свой счет.

Балы и маскарады перемежались с званными обедами и ужинами. Елизавета Петровна знала толк в еде и здесь также стремилась не отстать от моды. При участии французского консула в Петербурге к столу императрицы поставлялись паштеты и трюфеля из Парижа, непосредственно с прибывших из-за моря кораблей во дворец поступали устрицы, сыры, фрукты, конфеты и многое другое. Императорской кухней заведовал знаменитый шеф-повар Фукс, имевший чин бригадира (выше полковника, но чуть ниже генерала). Есть сведения, что именно при Елизавете Петровне картофель как диковинное заморское блюдо оказался на императорском столе, что положило начало его истории как продовольственной культуры в России. Правда, тогда картошку употребляли в пищу с сахаром, а не солью. Что касается вин, то при Елизавете Петровне при дворе и в столице большое распространение получают шампанское и другие французские вина. Хотя императрица сохраняла пристрастие и к венгерскому (токайскому) вину, популярному при русском дворе в прежние десятилетия. Напомним, что именно посыльный за венгерским вином полковник Вишняков отыскал и привез в Петербург Алексея Разумовского.

Пристрастие к изысканной кухне, яствам и сладостям, конечно, с течением времени не способствовало здоровью императрицы. Тем более она вела не вполне правильный образ жизни с точки зрения режима и распорядка дня. Всю ночь она обычно бодрствовала, спала подолгу днем. Что было тому причиной – боязнь дворцового ночного переворота, привычка к балам, праздникам, затягивавшимся далеко за полночь, природная склонность – сказать сейчас трудно. В любом случае подобный образ жизни не мог не подтачивать здоровье императрицы, которую в период ее молодости современники запомнили веселой, энергичной и обаятельной.

От своего необычайно энергичного отца Елизавета Петровна унаследовала и склонность к поездкам и передвижениям, активному отдыху на природе. С ранних лет она пристрастилась к охоте и не оставляла эту забаву, став императрицей. Особенно она любила охоту на зайцев, при этом могла довольно много времени провести в седле и даже иногда загоняла лошадей.

Став императрицей в Петербурге, Елизавета Петровна любила бывать в Москве, городе, где она родилась, в первопрестольной столице империи. Она несколько раз в течение своего правления приезжала в Москву, проводила там по несколько месяцев летом и зимой. Любовь к простору и природе влекла ее в подмосковные

имения своих фаворитов, прежде всего в Горенки, усадьбу Разумовских в нескольких верстах от Москвы по Нижегородской дороге.

Елизавета Петровна немало способствовала распространению в России утонченных европейских обычаев и нравов. Вместе с тем она в течение жизни оставалась верной православию, отличалась набожностью, любила посещать монастыри и храмы. Истово соблюдала посты. Как известно, императрица терпеть не могла рыбу и поэтому в течение длительных православных постов питалась исключительно капустой и квасом. Оказавшись в Москве, Елизавета Петровна непременно отправлялась в Троице-Сергиев монастырь. Эта обитель переживала при ней несомненный расцвет. В 1744 г. она получила наименование лавры, которым удостаиваются единичные, особо почитаемые монастыри. До этого в Российской империи это наименование имели лишь монастыри Киево-Печерский и Александро-Невский в Петербурге. С разрешения Елизаветы Петровны в Троице-Сергиевой лавре была возведена колокольня высотой 88 м, самая высокая в России.

Елизавета Петровна поддерживала самые добрые отношения со своим духовным отцом священником Фёдором Дубянским. Он пользовался ее полным доверием, принимал участие в ее личной и семейной жизни. Великая княгиня Екатерина, когда у нее возникали проблемы во взаимоотношениях с императрицей, также обращалась за помощью к Дубянскому.

Была ли императрица Елизавета Петровна счастлива в личной жизни? Думается, что вряд ли возможен в принципе подобный вопрос в отношении женщины, решившейся возложить на себя бремя высшей государственной власти. И, наверное, ни о ком из правящих в России в XVIII веке женщин нельзя сказать, что они лично были счастливы. Особенно если иметь в виду счастливое супружество, радость материнства. Но нельзя сказать, что судьба к российским правительницам XVIII века была уж слишком безжалостна.

Елизавета Петровна любила и была любима. Рядом с ней долгие годы был человек, преданный друг, фактически супруг. Это Алексей Григорьевич Разумовский, как уже говорилось, по происхождению простой казак с Украины. После восшествия Елизаветы Петровны на императорский трон благодеяния на фаворита посыпались как из рога изобилия. Он получил мыслимые и немыслимые награды и отличия. И вскоре, осенью 1742 г., в церкви подмосковного села Перово Алексей Разумовский и Елизавета Петровна тайно обвенчались. Это был морганатический брак, т. е. заключенный между женихом и

невестой как обычными людьми, который не давал никаких прав на российский трон возможным потомкам. Не становился членом императорской фамилии и сам супруг. Но это был настоящий, освященный церковью союз. Елизавета Петровна и Алексей Разумовский пошли на это, будучи глубоко набожными людьми, прекрасно зная о пересудах и сплетнях, распространявшихся по всей России, по дворцам и кабакам об их взаимоотношениях. Очевидно, в этом намерении их поддержал духовник императрицы Фёдор Дубянский, который, вероятно, и обвенчал их в сельской церкви под Москвой.

«Княжна Тараканова». Художник К. Д. Флавицкий.

И все же мало кто был тогда осведомлен об этом венчании. Почему же сейчас мы можем говорить об этом, как о реальном событии? Есть вполне достоверное свидетельство, дошедшее до

нас со времен Екатерины II. Будучи женой наследника престола, Екатерина также только по слухам знала о браке Елизаветы Петровны. Вступив на трон, она пожелала иметь точные сведения и просила генерал-прокурора А. А. Вяземского обратиться к самому Алексею Разумовскому, который был еще жив. Генерал-прокурор посетил бывшего фаворита в его московском доме. Разумовский всегда с искренним почтением относился к Екатерине и не мог отказать в ее просьбе. Он достал из драгоценной шкатулки церковное свидетельство о браке. Предъявил его Вяземскому. А затем… бросил в огонь камина. Теперь императрица Екатерина могла знать, что, во-первых, Елизавета Петровна в церковном браке состояла, а во-вторых, никаких документальных доказательств тому отныне не существует.

В то же время факт венчания в Перове вполне определенно подтверждается образом жизни Алексея Разумовского при дворе, его взаимоотношениями с императрицей. Комнаты Разумовского и Елизаветы Петровны находились рядом, они постоянно были вместе на всех официальных и неофициальных мероприятиях. Императрица по несколько дней могла проводить в имении Разумовского в Гостилицах под Петербургом или в его Аничковом дворце в Петербурге. Не изменилось положение Разумовского при дворе, когда у Елизаветы Петровны появился новый фаворит – Иван Иванович Шувалов.

Гораздо более туманным является вопрос о возможных детях от брака Елизаветы Петровны с Алексеем Разумовским. На этот счет существовали разные слухи и подозрения, появлялись самозванцы. Наиболее устойчивой является легенда о княжне Таракановой. Эта загадочная дама объявилась в Италии в начале 1770-х гг., назвала себя «княжной Владимирской», будто бы дочерью императрицы Елизаветы и Разумовского. Таракановой ее называют некоторые мемуаристы и исторические писатели. Она заявила о своих претензиях на российский императорский трон. Находившийся в Италии во главе русской военно-морской эскадры А. Г. Орлов получил от Екатерины II приказ захватить самозванку и доставить ее в Россию. Орлову удалось завлечь Тараканову на русский корабль, стоявший в Ливорно, арестовать и доставить в Петербург, где она и умерла, находясь под следствием. Отождествлять эту особу с дочерью императрицы Елизаветы достаточных оснований нет. Самозванчество такого рода было характерным для той эпохи явлением.

Есть другое свидетельство: в течение многих лет до своей кончины в 1810 г. в Ивановском монастыре в Москве проживала монахиня Досифея. Когда она скончалась, на ее погребении

присутствовали знатные лица, в том числе прибывшие из Петербурга представители двора императора Александра I. Будто бы на ее могиле имелась надпись: «Княжна Августа Тараканова, в монашестве Досифея». Тайна ее пребывания в монастыре и обстоятельства погребения также позволяют некоторым историкам предполагать, что она дочь Елизаветы Петровны и Разумовского. По той же версии, фамилия Тараканова могла происходить от фамилии мужа сестры Разумовского – Дараган. В этой семье будто бы могли воспитываться дети Алексея Разумовского и императрицы Елизаветы. Но все же подобных, не вполне определенных свидетельств явно недостаточно, чтобы утверждать что-либо со всей определенностью.

Скорее можно говорить об отсутствии детей у супругов, вступивших в церковный брак в селе Перово в 1742 г. Об этом косвенно свидетельствует искренняя забота, которую Алексей Разумовский всегда проявлял о своем младшем брате Кирилле и его детях, своих племянниках. Да и сама Елизавета, дождавшись появления внука Павла в 1754 г., фактически отобрала его у родителей, окружила его чисто материнской заботой.

Расцвет культуры, искусства и науки. И. И. Шувалов

И все же супружество с Разумовским и его особое положение при дворе не исключало иных увлечений и привязанностей Елизаветы Петровны. На рубеже 40-х и 50-х гг. в ближайшем окружении императрицы появляется новый фаворит – Иван Иванович Шувалов. Его выдвижение обусловлено борьбой вельможных кланов за влияние, которая никогда не прекращалась в окружении Елизаветы Петровны. Растущее могущество Бестужева-Рюмина, которого поддерживал Алексей Разумовский, никак не устраивало Петра Шувалова и его брата Александра. Михаил Илларионович Воронцов, вице-канцлер, то есть помощник Бестужева, также рассчитывал при удобном случае выйти из тени своего влиятельнейшего начальника.

И. И. Шувалов был двоюродным братом П. И. и А. И. Шуваловых. Может вызвать недоумение, что родные братья имеют одинаковое отчество с их кузеном. Но в те времена в русских семьях вполне могли давать одинаковые имена нескольким детям. Так и в роду Шуваловых отца Петра и Александра звали Иван Максимович (Старший), а его родной брат Иван Максимович (Младший) был отцом Ивана Ивановича.

При поддержке влиятельных родственников Иван Иванович в 40-х гг. был принят ко двору. Сначала он состоял камер-пажом при великой княгине Екатерине, супруге наследника престола. Вскоре статный молодой человек, образованный и весьма скромный, обратил на себя внимание императрицы. В 1749 г. он получил чин камер-юнкера уже при «большом дворе» Елизаветы Петровны, а в 1751 г. – самый высокий придворный чин действительного камергера. Так, будучи на 18 лет моложе Елизаветы Петровны, И. И. Шувалов стал ее фаворитом на все оставшиеся годы, советчиком и помощником во многих государственных делах. Он имел возможность беспрепятственно обращаться к императрице по любым вопросам, оказывал существенное воздействие на политику страны.

Портрет И. И. Шувалова. Художник Левицкий.

Фавориты при правящем монархе – более чем типичное явление русской истории XVIII века. Влияние их на жизнь страны было различным, что зависело как от самодержца, так и от талантов, способностей и иных личных качеств самих фаворитов. Например, Меншиков при Петре I проявил выдающиеся организаторские способности, особенно в военном деле, но не гнушался обогащаться за казенный счет. П. И. Шувалов много сделал для оздоровления финансов империи, но при этом сумел стать одним из самых богатых вельмож. Г. А. Потемкин внес огромный вклад в успехи внешней и военной политики Екатерины II, в обустройство Новороссии, но был известен и пристрастием к чрезмерной роскоши и расточительству.

Что же можно сказать в этой связи об Иване Ивановиче Шувалове? Да, он содействовал осуществлению некоторых

корыстных планов своих родственников, не мог не участвовать в придворных интригах на стороне своего клана. Но гораздо большее значение имела его склонность к образованию, науке и искусству. Многое, что было достигнуто в России в этой области в середине XVIII в., связано с его инициативами. Пожалуй, он был одним из первых в истории России меценатов. Занимая высокое положение в правящей элите империи, он мог оказывать и неизменно оказывал большую поддержку науке, образованию и искусству в России.

При этом И. И. Шувалов полагал, что необходимо развивать прежде всего отечественное образование и науку, поддерживать русских ученых и художников. На этой почве он сблизился с М. В. Ломоносовым, который в своей научной и просветительской деятельности отстаивал те же идеи. Во время очередной поездки императрицы Елизаветы в Москву Ломоносов передал И. И. Шувалову разработанный им проект создания университета. Шувалов доложил его императрице, обеспечил его всемерной поддержкой и 12 января 1755 г. (в Татьянин день) Елизавета Петровна подписала указ об открытии университета в Москве, ставшим фактически первым университетом в России. Куратором университета стал тот же И. И. Шувалов.

По инициативе И. И. Шувалова Елизавета Петровна в 1757 г. издала указ об открытии в Петербурге Академии художеств. Первое время она размещалась в доме Шувалова на Садовой улице. Академия стала центром профессиональной подготовки художников, скульпторов, архитекторов из числа наиболее талантливых русских людей независимо от их происхождения или сословной принадлежности. В качестве преподавателей в академию приглашались высококлассные мастера из-за рубежа. Наиболее способные выпускники получали стипендию академии для завершения обучения в Италии или Франции. Уже в правление Елизаветы Петровны, когда академия находилась под покровительством И. И. Шувалова, в ней учились архитекторы Василий Баженов, Иван Старов, художник Антон Лосенко и другие, которые составили славу русского искусства второй половины XVIII века. К ним относится и один из лучших скульпторов той же эпохи – земляк М. В. Ломоносова Федот Шубин. Его Шувалов «открыл» среди дворцовых истопников, дал ему рекомендацию, указав, что «… истопник Федот Иванов сын Шубной… в резьбе на кости и перламутре дает надежду, что… может быть искусным в своем художестве мастером».

Именно Шувалов еще до Екатерины II вступил в контакт с известными деятелями европейского Просвещения, в частности с Вольтером. Будучи за границей, он посетил знаменитого

просветителя в его усадьбе в Фернее. По инициативе И. И. Шувалова Елизавета Петровна поддержала идею поручить Вольтеру написать историю правления Петра Великого, что и было исполнено. В связи с этим Вольтер был принят в почетные члены Петербургской Академии наук, чем весьма гордился. Значительную часть своих средств Шувалов тратил на приобретение книг и картин известных европейских мастеров. Он стал обладателем одной из лучших в России библиотек. Немалая часть книг была им подарена Московскому университету. Более ста картин, включая произведения Рембрандта, ван Дейка, Рубенса, Тинторетто, он передал в Академию художеств.

Деятельность Шувалова на ниве просвещения и меценатства в целом соответствовала уровню развития культуры, достигнутому Россией в правление Елизаветы Петровны. Императрица всемерно поддерживала подобные начинания И. И. Шувалова и других просвещенных вельмож. Она сама не получила должного образования в данной области, вовсе не была начитанной и сведущей во многих вопросах тогдашней общественной мысли. Но, вне всякого сомнения, она обладала развитым художественным вкусом, музыкальным слухом, любила петь, танцевать, была поклонницей театрального искусства.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ
ЕЛИСАВЕТЪ ПЕРВАЯ, ИМПЕРАТРИЦА
И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ,
и прочая, и прочая, и прочая.

Указ Елизаветы Петровны об основании Московского университета.

Еще в правление Анны Иоанновны при российском императорском дворе шли спектакли итальянской оперной труппы во главе с знаменитым композитором Франческо Арайя. В 1740 г. в правление Анны Леопольдовны Арайя покинул Россию, но при Елизавете Петровне вернулся. В качестве руководителя оперного театра при дворе он привлекает теперь и русских исполнителей. В 1755 г. с грандиозным успехом прошла премьера его оперы «Цефал и Прокрис», написанной на текст, сочиненный известным русским драматургом А. П. Сумароковым. В качестве артистов выступили певчие графа А. Г. Разумовского, в том числе его земляки с Украины. Императрица пожаловала Ф. Арайя роскошной собольей шубой ценой в 500 рублей (годовое жалованье высокопоставленного вельможи).

Императрица Елизавета по праву может считаться одной из основательниц русского национального драматического театра. Еще со времен Петра I в моду вошли любительские театральные спектакли при дворе и в усадьбах знатных лиц. Сама Елизавета в бытность принцессой также участвовала в подобных постановках. Есть сведения, что пьесы для нее сочиняла ее подруга Мавра Шепелева. Профессиональный театр был представлен в основном гастролировавшими в России немецкими, французскими или итальянскими труппами. А когда Елизавета Петровна стала императрицей, она всячески содействовала увлечению театром среди учащихся Сухопутного кадетского (Шляхетского) корпуса. В то время это было главное учебное заведение, готовившее дворянских детей к военной и гражданской службе. Одновременно развивается талант Алексея Петровича Сумарокова, первого российского драматурга, сочинявшего пьесы по мотивам российской истории. В 1749 г. в театре при Сухопутном кадетском корпусе была поставлена его трагедия «Хорев».

Тогда же в Ярославле купеческий сын Фёдор Григорьевич Волков организовал театр, в который он привлек талантливых горожан. Вскоре по исполнительскому мастерству ярославцы превзошли многие иноземные профессиональные труппы. О них стало известно в Петербурге. Императрица Елизавета распорядилась пригласить Ф. Г. Волкова и его наиболее талантливых сподвижников в столицу. Здесь с их участием, с привлечением актеров из числа кадетов и певчих придворной капеллы в 1756 г. был организован «Русский для представления трагедий и комедий театр». Так возник первый

профессиональный русский театр. Во главе его встали А. П. Сумароков и Ф. Г. Волков. Наряду с Волковым ведущим актером стал Иван Афанасьевич Дмитревский, также прибывший из Ярославля.

Портрет М. В. Ломоносова. Художник Г. К. Преннер.

В правление Елизаветы Петровны наивысшего расцвета во всей его роскоши и блеске достигает искусство барокко. В Петербурге и его окрестностях в полной мере проявился гений Варфоломея Растрелли, создавший дворцы для Елизаветы Петровны и ее приближенных. Растрелли получил известность в качестве мастера строительства дворцовых зданий еще в предыдущее десятилетие. В частности, он выстроил загородный дворец для Э. Бирона в Курляндии, в Руентале (ныне – Рундале в Латвии).

Во времена Елизаветы Растрелли создал великолепные императорские резиденции в окрестностях Петербурга. Прежде всего нужно было привести в порядок резиденцию, основанную Петром I на южном берегу Финского залива. В Петергофе. Здесь в 1746 г. началась перестройка Большого дворца в Петергофе. За образец был взят загородный дворец французских королей в Версале под Парижем. Однако в большей степени Елизавете полюбилась усадьба Царское Село к югу от столицы. Когда-то здесь находилась мыза с финским названием Saari mojs (т. е. мыза на острове). Отсюда произошло по созвучию и русское название этого места. Хотя оно в полной мере соответствовало и его назначению, поскольку Пётр I подарил ее своей супруге, царице Екатерине. Здесь был выстроен небольшой деревянный дворец, он по наследству перешел от матери к Елизавете. Она любила здесь уединяться, охотиться в окрестных лесах. В начале 50-х гг. Растрелли приступил к созданию здесь величественного комплекса, начав с Большого дворца. Теперь этот дворец называют Екатерининским, поскольку и после Елизаветы Петровны Царское Село осталось излюбленной загородной резиденцией Екатерины II.

Портрет актера Фёдора Григорьевича Волкова. Художник А. П. Лосенко.

Придя к власти, Елизавета покинула свой Летний дворец на «Царицыном лугу» и переселилась в Зимний дворец, главную императорскую резиденцию на берегу Невы. Со времен Петра I он

постоянно перестраивался и в правление Анны Иоанновны достиг внушительных размеров. Его главный Тронный зал имел площадь 1000 кв. м, а ко дворцу было пристроено обширное здание придворного театра. Елизавета Петровна сразу приступила к перестройке дворца в соответствии со своими представлениями и вкусами. Главным архитектором выступил все тот же В. Растрелли. Для начала Елизавета Петровна наконец-то приказала распаковать и установить в Зимнем дворце Янтарный кабинет, подаренный лет тридцать назад ее отцу прусским королем Фридрихом Вильгельмом I. Пётр I не нашел времени обустроить свой быт в роскошных интерьерах, а его ближайшие преемники, видимо, не знали о существовании этого подарка из Берлина, поскольку янтарные панели кабинета хранились в ящиках в Летнем дворце Елизаветы Петровны.

Затем к Зимнему дворцу пристраивались все новые и новые комнаты. Часть из них предназначалась для размещения наследника престола Петра Фёдоровича с его женой Екатериной. Именно Елизавета Петровна впервые приказала устроить во дворце покои для встреч в узком кругу под названием «Эрмитаж». Здесь могли собраться на обед или ужин несколько персон, причем сервированный стол с помощью специального устройства поднимался сюда из нижнего помещения.

Портрет архитектора Франческо Бартоломео Растрелли. Художник П. Л. Конрад.

Но императрица стремилась к большему великолепию, в

начале 50-х гг. она приняла решение построить новый Зимний дворец. Автором проекта выступил В. Растрелли, начальником строительства назначен генерал В. Фермор. Янтарную комнату перенесли в Царское Село, где она и находилась до Великой Отечественной войны.

Строительство Зимнего дворца надолго затянулось по причине грандиозности замысла и из-за Семилетней войны. Кстати, и сам начальник строительства отправился на эту войну в качестве главнокомандующего, а его заменил архитектор Ю. Фельтен. Елизавета Петровна немного не дожила до завершения строительства. В новый дворец в качестве полноправного хозяина въехал в апреле 1762 г. уже император Пётр III.

Александр Борисович Бутурлин. Неизвестный художник.

В любом случае Зимний дворец в Петербурге, в котором Елизавета не успела пожить, Екатерининский дворец в Царском Селе и Большой дворец в Петергофе остались самыми впечатляющими памятниками елизаветинской эпохи и ныне свидетельствующими о величии ее империи, об уровне развития художественной культуры России в ее правление.

Начало Семилетней войны. Обострение придворной борьбы. Падение канцлера Бестужева-Рюмина

Елизавета Петровна пришла к власти в начале острого международного конфликта в Европе, вылившегося в войну за австрийское наследство. Не без участия России этот конфликт к концу 40-х гг. разрешился, но противоречия европейской политики отнюдь не ушли в прошлое. По-прежнему стремилась к усилению своего влияния Пруссия, обострялось соперничество между Англией и Францией в борьбе за колонии. Европа приближалась к новой войне. Россия не могла остаться в стороне. Канцлер Бестужев-Рюмин уверенно придерживался курса на союз с Австрией, противодействуя стремлению Пруссии к гегемонии в Центральной Европе и в германских землях. Елизавета Петровна разделяла взгляды своего канцлера. Она была готова поддержать императрицу Марию Терезию в борьбе против Пруссии, испытывала неприязнь к королю Фридриху II. Ее неприязнь усилилась, когда Тайная канцелярия расследовала дело некоего Зубарева, который побывал в Потсдаме и встречался там с Фридрихом. Король будто бы предложил ему участвовать в освобождении из заточения свергнутого Елизаветой Петровной императора Иоанна Антоновича. В итоге в 1756 г. Иоанн Антонович был переведен из Холмогор в Шлиссельбург и помещен там в одиночную камеру.

Центральная Европа в эпоху Семилетней войны 1756–1763 гг. Бескровный Л. Г. Атлас карт и схем по русской военной истории. М., 1946.

Вместе с тем в середине 50-х гг. в расстановке сил на европейской арене произошли существенные перемены, и они касались прежде всего позиции Франции. Эта держава с давних пор была постоянным противником России, поддерживала ее соперников, в частности Турцию и Швецию. Елизавета Петровна, конечно, помнила обидный отказ французов в связи с планами ее замужества с королем Людовиком XV. Кроме того, Франция всегда соперничала с империей Габсбургов, которая оказывалась союзником России. Но теперь Франция опасалась усиления Пруссии. Тем более что в 1756 г. Пруссия подписала Уайтхоллский договор о союзе с Англией, принципиальным противником Франции. Это привело к тому, что французское правительство решило с целью противодействия Пруссии перейти

от вражды с Австрией к союзу с ней. Дело было непростым, но Мария Терезия обратилась с письмом к фаворитке Людовика XV маркизе Помпадур и австрийско-французский союз, направленный против Пруссии и Англии, состоялся. В 1756 г. договор был подписан в Версале.

Пётр Семенович Салытков. Копия Локтева с портрета работы Ротари.

Теперь важно было привлечь к австро-французскому союзу Россию. Однако канцлер Бестужев-Рюмин оставался противником Франции и стремился сохранить добрые отношения с Англией. Но его позиции при дворе Елизаветы Петровны ослабли в связи с усилением группировки Шуваловых-Воронцовых. Через Воронцовых действовали теперь сторонники русско-французского сближения. Тайный агент Людовика XV шотландский эмигрант Макензи Дуглас прибыл в Петербург и при посредничестве французского торгового агента в Петербурге Жана Мишеля вступил в контакт с вице-канцлером М. И. Воронцовым.

С миссией Дугласа связана занятная легенда о его секретаре по имени шевалье д'Эон. Будто бы он, обладая тонкими чертами лица и изящной фигурой, переоделся в женское платье и в качестве девицы де Бомон при участии того же Воронцова был принят фрейлиной ко двору Елизаветы Петровны, чтобы склонить ее к союзу с французским королем. Однако историки уже достаточно давно выяснили, что хотя шевалье д'Эон

действительно побывал в России, история с появлением его в качестве фрейлины при российском дворе не более чем красивый вымысел, тем не менее породивший обширную литературу о похождениях знаменитого красавца (красавицы?).

В самом деле каких-либо особых ухищрений, чтобы склонить Елизавету Петровну к сотрудничеству с Францией, не требовалось. Ей достаточно было узнать об Уайтхоллском договоре, чтобы понять суть англо-прусского сближения и решиться на союз с Францией. В Версале 1 мая 1757 г. был заключен союзный договор Франции, Австрии и России, направленный против Пруссии. В конце мая к нему присоединилась Швеция. По настоянию Елизаветы Петровны союзники решили действовать немедленно, чтобы не позволить Фридриху II разбить участников коалиции поодиночке. Так началась большая война в Европе, вошедшая в историю под названием Семилетней.

Положение Пруссии казалось отчаянным, ведь Англия не располагала значительной сухопутной армией и могла помочь Фридриху II только денежной субсидией. Кроме того, Англия уже с 1756 г. официально находилась в войне с Францией, военные действия велись в северо-американских колониях. Важно отметить, что Россия не вела враждебных действий против Англии, хотя та находилась в составе противостоящей коалиции. Для обеих стран были важны взаимовыгодные торговые отношения, которые продолжались в течение всего периода Семилетней войны.

Фридрих II летом 1757 г. открыл военные действия против австрийцев, и тогда русские войска начали наступление в Восточной Пруссии, древней части этого королевства, находившейся в Восточной Прибалтике. В августе 1757 г. состоялось сражение при Гросс-Егерсдорфе. Оно шло с переменным успехом, решающую роль сыграла штыковая атака бригады, которой командовал молодой генерал П. А. Румянцев. Победа осталась за российской армией, но ее главнокомандующий С. Апраксин приказал отступать.

Фридрих II в битве при Цорндорфе, 1758. Художник К. Рёхлинг.

Обстановка при дворе Елизаветы Петровны была весьма сложной, что оказывало влияние на ход военных действий и поведение командующих. Канцлер Бестужев-Рюмин, чувствуя, что его влияние ослабевает, предпринял попытку привлечь на свою сторону «малый двор», т. е. наследника трона Петра Фёдоровича, его жену Екатерину и их окружение. Особенно он надеялся на великую княгиню Екатерину, которая представлялась ему умной и честолюбивой женщиной.

Медаль «Победителю над пруссаками».

Отношения Елизаветы Петровны и ее «большого двора» к «малому двору» также было непростым. Императрица не могла не испытывать родственных чувств к племяннику Петру Фёдоровичу, сыну ее любимой сестры. В то же время она была глубоко разочарована уровнем его воспитания, видела, что он по своему характеру вряд ли способен к управлению Российской империей. Более того, всем было известно, что Пётр Фёдорович является горячим поклонником Фридриха II. Наконец, Пётр жил со своей женой в крайнем несогласии, угрожал ей разводом, упрекал ее в неверности, сам обзавелся фавориткой – Елизаветой Воронцовой, племянницей вице-канцлера. Все это также расстраивало императрицу.

Жена наследника Екатерина нравилась Елизавете Петровне как невестка, но она опасалась участия великой княгини в каких-либо политических и придворных интригах. Дошло до того, что Елизавета Петровна установила за семьей наследника престола постоянный надзор. За Екатериной постоянно наблюдала и обо всем докладывала императрице статс-дама Мария Чоглокова, двоюродная сестра Елизаветы Петровны по матери. Ее муж, гофмаршал «малого двора» Пётр Чоглоков контролировал каждый шаг Петра Фёдоровича.

В сентябре 1754 г. у Екатерины родился сын Павел. Для Елизаветы это было особенно радостное и долгожданное событие, наконец-то она могла быть уверена, что российская императорская династия продолжится. Императрица тут же отобрала младенца у родителей, разместила его в своих покоях, окружила своей неустанной заботой. Мать виделась с ребенком редко, почти не принимала участия в его воспитании. Это также не способствовало улучшению отношений Елизаветы Петровны и Екатерины, а впоследствии сказалось и на взаимоотношениях Павла Петровича с матерью. Да и сама Екатерина II, когда родились сыновья у Павла, поступила так же, как когда-то Елизавета, взяла на себя воспитание внуков Александра и Константина, отстранив родителей.

В этой ситуации Бестужев-Рюмин решил привлечь на свою сторону Екатерину. Зная о недовольстве Елизаветы племянником, он выдвинул идею объявить наследником Павла Петровича, так, чтобы до совершеннолетия его мать стала бы правительницей. В этот проект он посвятил Екатерину.

Осенью после победы под Гросс-Егерсдорфом Елизавета Петровна неожиданно заболела. Именно в связи с этим фельдмаршал Апраксин, зная о настроениях наследника престола, не решился продолжить наступление. Причем о болезни императрицы ему, по некоторым сведениям, сообщил

сам Бестужев-Рюмин. В то же время он считал, что Апраксину следует продолжить наступление, и просил великую княгиню Екатерину помочь ему убедить в этом фельдмаршала написать соответствующее письмо.

Однако вскоре Елизавета Петровна выздоровела, Апраксин был отстранен от командования и заменен генералом Фермором. О письме Екатерины Апраксину и ее взаимоотношениях с Бестужевым стало известно при «большом дворе». Это решило судьбу канцлера и едва не погубило Екатерину. Елизавета Петровна всегда недолюбливала Бестужева-Рюмина, а теперь она уступила давлению группировки Шуваловых-Воронцовых. Бестужеву была объявлена опала государыни, и вскоре он был арестован. Тайная канцелярия во главе с Александром Шуваловым начала дело о государственной измене. Но канцлер успел сжечь бумаги с изложением проекта о передаче трона Павлу Петровичу, находясь под арестом, он сумел предупредить об этом Екатерину. Великая княгиня оказалась виновной только в том, что позволила себе вмешаться в дела военной политики, посмела обратиться с письмом к главнокомандующему. Но в разговоре с Елизаветой Петровной Екатерина сумела убедить ее, что она сделала это без всякого злого умысла, надеясь лишь убедить фельдмаршала исполнять приказания императрицы.

Взятие крепости Кольберг. Художник А. Е. Кацебу.

Бестужев-Рюмин, напротив, был обвинен в том, что он за спиной императрицы вступил в контакт с наследником престола и его женой, давал им дурные советы, пытался при этом

действовать через графа Понятовского, польского представителя в Петербурге. При дворе уже тогда ходили слухи, что Понятовский – любовник Екатерины. Наследник Пётр Фёдорович, никогда не любивший Бестужева-Рюмина, как противника Пруссии, только содействовал возводимым на него обвинениям. Как бы то ни было, Бестужев отрицал все обвинения, да и серьезных улик против него не было. Тем не менее императрица решила от него избавиться. Вынесенный судом, как обычно, смертный приговор она сильно смягчила, отправив бывшего канцлера в ссылку в его имение Горетово в Можайском уезде. Пост канцлера получил Михаил Илларионович Воронцов.

Победы над Фридрихом II и «бранденбургское чудо». Болезнь и смерть императрицы Елизаветы

Семилетняя война тем временем продолжалась. Генерал Фермор действовал энергично. В январе 1758 г., когда тучи над головой А. П. Бестужева еще только сгущались, русские войска заняли древнюю столицу Пруссии Кенигсберг.

После этого, летом 1758 г., российская армия через Польшу двинулась на запад и подошла к Одеру. До Берлина, столицы Прусского королевства, оставалось менее 100 км. Фридрих II к тому времени не без успеха действовал в Силезии против австрийских войск. Узнав о приближении русской армии к своей столице, он немедленно выступил навстречу с основными силами. Переправившись через Одер, армия Фридриха II стремилась выйти в тыл русских. Но Фермор встретил пруссаков на выгодной позиции у деревни Цорндорф. Здесь 14 августа 1758 г. состоялась одна из самых кровопролитных битв в истории войн. Обе армии потеряли треть своего состава. Решающего перевеса не достигла ни одна из сторон. Фермор к утру следующего дня приказал уцелевшим воинам отступить с поля боя. Фридрих II не решился их преследовать, заявив: «Русских легче перебить, чем победить».

Через год противники встретились примерно в той же местности. Российская армия с новым главнокомандующим генералом П. С. Салтыковым подошла к Франкфурту-на-Одере. Вместе с ней действовали теперь союзные австрийские войска. Решающая битва состоялась 1 августа 1759 г. у деревни Кунерсдорф (ныне Куновице в Польше). Прусская армия во главе с Фридрихом II атаковала позиции союзников, укрепившихся на нескольких высотах, господствующих на местности. Инициатива долгое время была в руках прусской армии, которая захватила несколько высот, подвергла русскую армию шквальному артиллерийскому огню и так называемой косой атаке пехоты и кавалерии. Но дивизии генерала П. А. Румянцева удалось удержать центр русской позиции на высоте Большой Шпиц. Фридрих II бросал сюда все новые резервы и, наконец, последний свой резерв – гвардейскую кавалерию лейб-кирасир. Наступил момент, когда П. С. Салтыков мог ввести в бой имевшиеся у него свежие резервы и отдал приказ союзной армии перейти в общее контрнаступление, что привело к полному разгрому противника.

Казалось, путь на Берлин был открыт. Но война затянулась. Возникли разногласия между союзниками. Австрийцы настаивали на участии русской армии в военных действиях в Силезии, которую они все еще надеялись вернуть. Франция не была заинтересована в полном поражении Пруссии, так как не исключала в будущем конфронтации с Австрией. Франция и Австрия не желали укрепления позиций России на Балтике. По настоянию союзников российские войска оказались раздроблены: в 1760–1761 гг. частично они действовали в Силезии, частично в Померании (на южном берегу Балтики). П. С. Салтыков заболел и уступил командование генералу А. Бутурлину. Ярким эпизодом стало вступление русских войск, а именно корпуса генерала З. Г. Чернышёва и конного отряда Тотлебена, в Берлин 29 сентября 1760 г. Прусские войска, находившиеся в столице, оказались в численном меньшинстве и после небольшого сражения капитулировали. Войска З. Г. Чернышёва находились в Берлине четыре дня и оставили город, получив известие, что к столице приближается Фридрих II с основными силами прусской армии. Тем не менее вступление русских войск в столицу Пруссии имело большое символическое и моральное значение.

В 1761 г. русские войска на Померанском театре военных действий осадили сильную прусскую крепость Кольберг (ныне Колобжег в Польше). 5 декабря крепость капитулировала, что упрочило позиции русской армии и флота на Балтике.

Победа была близка. Дипломаты воюющих сторон, включая и Фридриха II, занялись выработкой мирных договоров. Россия надеялась приобрести территорию в Восточной Пруссии, чтобы уступить ее Польше в обмен либо на Курляндию, которая уже со времен Петра I фактически находилась под протекторатом России, либо на часть Правобережной Украины. Союзники не были готовы согласиться на столь существенные территориальные приобретения России.

Елизавета Петровна как могла торопила своих генералов и дипломатов. Но ее здоровье необратимо ухудшалось. С середины ноября 1761 г. один за другим следовали приступы тяжелой болезни. По тогдашним описаниям диагноз определить трудно. Императрица страдала от приступов сильного кашля, которые завершались кровавой рвотой. Едва оправившись от очередного приступа, Елизавета, приободрившись, возвращалась к государственным делам. Крайне плохо она почувствовала себя 12 декабря, но уже 17 декабря императрица объявила указ о необходимости провести реформу соляного налога. Через три дня Елизавета почувствовала себя особенно хорошо, а уже 23-го числа вновь слегла и 25 декабря скончалась.

В течение трех последних дней при постели Елизаветы Петровны находились Пётр Фёдорович и Екатерина. После ее кончины наследник сразу отправился на свою половину дворца отдавать распоряжения в качестве императора Петра III. Екатерина многие дни траура оставалась рядом с телом умершей императрицы.

Последовали радикальные перемены во внешней политике. Фридрих II назвал их «бранденбургским чудом» (тогдашняя столица Пруссии Берлин ранее был центром княжества Бранденбург). Пётр III, будучи страстным поклонником короля, немедленно приказал прекратить войну с Пруссией, заключил сепаратный мир, отказавшись от всех завоеваний России. Более того, он приказал генералу З. Г. Чернышёву помочь пруссакам вытеснить из Силезии австрийцев, своих недавних союзников.

Портрет императрицы Елизаветы Петровны. Художник Л. Каравак.

Так закончилось двадцатилетнее правление дочери Петра Великого. Это время можно с полным основанием назвать елизаветинской эпохой. Она занимает «срединное» положение в русской истории XVIII столетия. И не только в сугубо арифметическом смысле. В правлении Елизаветы Петровны мы ясно видим влияние еще петровской эпохи, начала века с его еще более архаичными чертами. Как отмечал В. О. Ключевский:

«Елизавета попала между двумя встречными культурными течениями, воспиталась среди новых европейских веяний и преданий благочестивой отечественной старины. То и другое влияние оставило на ней свой отпечаток, и она умела совместить в себе понятия и вкусы обоих: от вечерни она шла на бал, а с бала поспевала к заутрене…»

Портрет Екатерины II в трауре по Елизавете Петровне. Художник Э. Вигилиус.

И вместе с тем правление Елизаветы представляет собой канун эпохи Екатерины II, времени просвещенного абсолютизма, новых реформ, сохранивших свое значение в течение десятилетий, и выдающихся успехов России в области внешней

политики. Но ведь уже в правление Елизаветы Петровны были открыты университет в Москве и Академия художеств в Петербурге, творил великий Ломоносов, навсегда ушли в прошлое средневековые таможенные поборы внутри страны, открылись первые банки. Русская армия одержала верх в борьбе с армией Пруссии, первоклассной в то время армией Европы.

Главные даты жизни Елизаветы Петровны

18 декабря 1709 г. – Рождение Елизаветы Петровны в царской усадьбе Коломенское под Москвой.

19 февраля 1712 г. – Бракосочетание родителей Елизаветы Петровны – Петра I и Екатерины Алексеевны.

28 января 1725 г. – Кончина императора Петра I, отца Елизаветы, восшествие на трон ее матери под именем императрицы Екатерины I.

6 мая 1727 г. – Кончина императрицы Екатерины I, восшествие на трон Петра II, внука Петра I.

10 февраля 1728 г. – Рождение в Голштинии принца Карла Петера Ульриха, племянника Елизаветы Петровны, впоследствии наследника российского трона Петра Фёдоровича.

1730 г.

19 января – Кончина императора Петра II.

25 февраля – Восшествие на трон в качестве самодержавной императрицы Анны Иоанновны, двоюродной сестры Елизаветы Петровны.

1740 г.

17 октября – Кончина императрицы Анны Иоанновны, провозглашение императором ее внучатого племянника Иоанна Антоновича при регентстве Э. И. Бирона.

9 ноября – Свержение регента Э. И. Бирона, назначение правительницей Анны Леопольдовны, матери императора Иоанна Антоновича.

25 ноября 1741 г. – Восшествие Елизаветы Петровны на императорский трон в результате дворцового переворота, свержение императора Иоанна Антоновича и правительства «Брауншвейгской фамилии».

1740–1748 гг. – Война за австрийское наследство.

1741–1743 гг. – Русско-шведская война.

1742 г.

5 февраля – Прибытие в Петербург голштинского принца Карла Петера Ульриха, наследника российского трона.

25 апреля – Императорская коронация Елизаветы Петровны в Москве.

Июль – август 1743 г. – Следствие и суд по делу Лопухиных.

3 февраля 1744 г. – Прибытие в Петербург из-за границы принцессы Ангальт-Цербстской Софии Фредерики Августы, невесты наследника трона Петра Фёдоровича.

21 августа 1745 г. – Свадьба наследника трона Петра Фёдоровича и Екатерины Алексеевны.

1746 г.

7 марта – Кончина бывшей правительницы Анны Леопольдовны.

22 мая – Заключение русско-австрийского оборонительного союза сроком на 25 лет.

Ноябрь 1748 г. – Арест и следствие по делу лейб-медика Елизаветы Петровны Г. Лестока.

20 декабря 1753 г. – Отмена внутренних таможенных пошлин.

13 мая 1754 г. – Учреждение в Петербурге Дворянского и Купеческого банков.

12 января 1755 г. – Основание Московского университета.

1756 г.

30 августа – Основание «Русского для представления трагедий и комедий театра».

31 декабря – Присоединение России к Версальскому договору о союзе между Францией и Австрией.

1756–1763 гг. – Семилетняя война.

1757 г.

23 октября – Основание Академии художеств.

19 августа – Сражение при Гросс-Егерсдорфе.

1758 г.

1 января – Вступление российской армии в Кенигсберг.

Февраль – Отставка, арест и ссылка канцлера А. П. Бестужева-Рюмина.

14 августа – Сражение при Цорндорфе.

1 августа 1759 г. – Сражение при Кунерсдорфе.

28 – 30 сентября 1760 г. – Вступление российской армии в Берлин, ее пребывание в прусской столице.

1761 г.

5 декабря – Взятие российской армией крепости Кольберг.

25 декабря – Кончина императрицы Елизаветы Петровны, восшествие на трон императора Петра III.